

The background of the book cover is a dark, atmospheric illustration. It depicts a woman in a long, dark, patterned coat and a wide-brimmed hat standing on a set of stone steps. She is holding a closed umbrella. The scene is lit from behind by a bright, warm light source, possibly a window or a fire, creating a strong silhouette effect and casting long shadows. The architecture features large, arched openings. The overall color palette is dominated by dark blues, greys, and a warm, golden-yellow light.

ЛАРИСА ДЖЕЙКМАН

РОМАН ЛЕДИ ВИНТЕР

ВЕКОВАЯ ВРАЖДА

Лариса Джейкман
Роман леди Винтер.
Вековая вражда

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=40220079
ISBN 9785449614568

Аннотация

Молодая и обеспеченная Зоя Винтер втянута в непонятную интригу. Она не из пугливых, но ее постоянно преследуют события, способные напугать даже охранника имения, в котором она проживает. Девушка решает разобраться в происходящем и изучает историю своего старинного дома. И здесь ей открываются страшные вековые тайны. Зоя пишет роман об этом загадочном доме и узнает, что потомки его прежних хозяев уже на протяжении полутора веков охотятся за этим имением, избавляясь от всех, кто в нем проживает.

Содержание

Новые хозяева старинного имения	5
Замки и привидения	32
Давняя история и забытые имена	41
Страхи и сомнения	50
Жизнь и страдания Эдварда Люмерье	60
Страшная находка	81
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Роман леди Винтер

Вековая вражда

Лариса Джейкман

© Лариса Джейкман, 2019

ISBN 978-5-4496-1456-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Новые хозяева старинного имения

Дорога к дому, казалось, была бесконечной. Она вилась меж густо заросшего лесного кустарника, вековые сосны возвышались с обеих сторон дороги и нагоняли скуку. За окном автомобиля было сумрачно, и Зоя безрадостно взидала на лесной пейзаж, ей хотелось спать, длинная дорога ее изрядно утомила.

Дэйвид вел машину уже почти три часа и, похоже, ему это нравилось. Он тихонечко напевал, иногда поглядывал на Зою и пытался с ней заговорить, но она отвечала короткими, отрывочными фразами, а порой и просто закрывала глаза, делая вид, что дремлет.

– Почти приехали, – наконец сказал он. – Сейчас я покажу тебе наш дом. Розалия наверняка протопила его к нашему приезду и приготовила отличный ужин, а у меня есть для тебя сюрприз.

Зоя приоткрыла веки и посмотрела на мужа. Вид у него был очень довольный, не похоже, чтобы он очень утомился в пути, не то, что она: совсем раскисла. Ей очень хотелось расспросить про сюрприз, но тут вдруг лесная дорога закончилась, и они подкатили к массивным каменным воротам. Дэйвид вышел из машины, немного повозившись с запором, распахнул их и плавно вкатил свой джип, остановившись у самого крыльца.

Оно было широким, ступеньки вели вверх к массивным колоннам. Двери в дом были добротные, похоже, дубовые. Не прошло и минуты, как они распахнулись, и на пороге появилась солидная женщина с приветливой улыбкой на устах.

— Добро пожаловать, сэр Дэйвид. Леди Винтер, добрый вечер, рада приветствовать вас.

Это была, судя по всему, Розалия, экономка Дэйвида, о которой он много рассказывал. Но Зоя не стала рассматривать ее, ей очень хотелось немедленно пройти в ванную, чтобы немного привести себя в порядок с дороги.

Дэйвид сам отвел ее наверх, проводил в огромную красивую спальню, в которой находилась такая же просторная, сверкающая зеркалами ванная комната.

— Не торопись, дорогая. Если хочешь, прими душ, переоденься. Я буду ждать тебя внизу к ужину.

Он нежно поцеловал Зою в щеку и поспешно удалился. И это было все, о чем она мечтала в данную минуту. Душ привел ее в чувство. Лучше бы, конечно, принять ванну с пеной, но нужно было ждать, пока наберется вода, а потом и понежиться еще минут сорок. А Зое хотелось побыстрее помыться, освежиться и принять более домашний облик.

Она переоделась в длинное вязаное платье цвета топленого молока, надела удобные велюровые домашние туфельки с пуховками и на невысоком каблучке. Волосы забрала наверх, чуть-чуть подкрасила губы, внимательно оглядела себя в огромном старинном трюмо и осталась довольна. Она вы-

глядела по-домашнему, но очень изящно и чувствовала себя довольно комфортно.

– Дорогая, проходи к столу. Все готово, я жду тебя, – проговорил Дэйвид, когда она спустилась в красивую овальную столовую. Муж отодвинул стул, чтобы Зое удобнее было присесть к столу.

Всю полукруглую стену столовой занимали высоченные окна с видом на парк, заросший соснами. За окном совсем почти стемнело, но в парке были фонари, которые освещали лесной массив загадочным вечерним светом. Шторы на окнах были легкими, полупрозрачными, и вся картина за окном открывалась взору во всем своем великолепии.

Розалия поставила на стол запеченную говядину, блюдо с картофелем, овощи и принесла пряный, тягучий соус к мясу. Тут же появилось серебряное ведро со льдом, в нем охлаждалась бутылка вина, но Дэйвид вдруг встал и сказал:

– А теперь сюрприз, как и обещал!

С этими словами он открыл створку серванта и извлек бутылку армянского коньяка. Коньяк был марочный, пятизвездочный, в красивой, хрустальной на вид бутылке, и Дэйвид с гордостью водрузил ее на стол.

– Откуда это у тебя? – спросила Зоя, немало удивившись.

Но Дэйвид секрет не раскрыл. Он разлил коньяк в тяжелые бокалы с массивным дном и провозгласил тост:

– За тебя, моя дорогая, за наш новый дом, за наш союз и главное, за нашу мечту жить в замке, в чудесном лесу, вда-

ли от шума городского.

Зоя ответила ему улыбкой. Она слегка пригубила коньяк, который оказался просто восхитительным, и приступила к ужину.

Жизнь в семье Винтер протекала довольно спокойно, их было только двое: муж и жена. Детей в семье не было, и с ними не спешили. Дэйвид женился на Зое довольно поздно, почти в сорок лет. До этого он усиленно занимался развитием своего семейного бизнеса, который передал ему отец, открывал новые компании по продаже элитной недвижимости по всей Англии, и ему было не до женитьбы.

Зою он встретил случайно. Ее отец, Анатолий Кравец, был клиентом Дэйвида, русский эмигрант, довольно состоятельный мужчина приобретал через его солидное агентство свой очередной особняк, и на один из приемов явился с очаровательной дочерью. Дэйвид принимал этого клиента лично, боясь упустить выгодную сделку. Но в этот раз он сам ее чуть не провалил. Молодая дочь Анатолия так поразила Дэйвида своей внешностью и светскими манерами, что он постоянно сбивался с толку в разговоре, шутил не к месту, чем немало поразил своего клиента.

– Вы сегодня слегка не собраны, мой друг. Зоя, оставь нас, пожалуйста, – проговорил Анатолий.

Когда девушка вышла в просторный холл за стеклянной

дверью, Кравец усмехнулся и сказал:

– С ней мне лучше на серьезные встречи не ходить. Она привлекает слишком много внимания, не так ли?

Дэйвид промолчал, взял себя в руки и продолжил беседу в нужном ключе. Оказалось, что этот особняк Анатолий желал приобрести для дочери. Но об этом он пока не хотел говорить ей, и это явилось еще одной причиной, почему он попросил дочь выйти.

После этой встречи Дэйвид Винтер потерял покой. Красивая Зоя поразила его не столько внешностью, сколько своим видом респектабельной девушки, своим умным молчанием и сиянием лучистых глаз. На вид ей было явно больше двадцати, но точный возраст Дэйвид назвать бы не решился, он лишь задумался, не замужем ли она.

На самом деле девушка не была замужем. С последним бойфрендом она рассталась около года назад и до сих пор не завела ни одного серьезного знакомства. Отец очень тщательно отслеживал ее кавалеров, да и самой Зое казалось, что нет для нее подходящей кандидатуры. Даже последний ее знакомый был ей всего лишь другом, они вместе работали и иногда проводили вдвоем свободное время, не более того.

Она родилась в Англии в самом начале девяностых, когда ее родители эмигрировали в эту страну, умудрившись к тому моменту скопить достаточно денег, чтобы обосноваться на туманном Альбионе. В России отец работал заве-

дующим кафедрой иностранных языков, прекрасно владея английским, французским и немецким, но после перестройки он открыл частную школу иностранных языков, где обучал менеджеров, делопроизводителей и секретарей различных международных фирм и компаний, которые открывались одна за другой.

Его бизнес был востребован. Он заключил договоры с иностранными школами и университетами, куда направлял своих студентов на стажировку, позднее помогал желающим найти работу за рубежом, что оплачивалось довольно щедро. И наконец он нашел работу и для себя. Один из его партнеров по бизнесу пригласил его в свой языковой институт, и Анатолий не раздумывая, он согласился сразу.

Его жена на тот момент была в положении, но это не помешало переезду. Не прошло и полугода, как семья Кравец перебралась в Манчестер, а через два месяца у них родилась дочь. Анатолий не стал останавливаться на достигнутом. Его преподавательская деятельность не приносила ему ощутимого дохода, во всяком случае в Англии его семья жила гораздо скромнее, чем в России. Пришлось искать пути, как заработать столько, чтобы жить на широкую ногу. И вот в середине девяностых на его счастье он познакомился с одним из русских олигархов, к которому его приставили как гида-переводчика.

Анатолий провел со своим будущим покровителем почти месяц. Он посещал с ним все переговоры, приемы, помогал

ему с покупкой недвижимости и открытием счетов в солидных банках, с оформлением страховок, покупкой автомобилей. И в конце концов олигарх уже не мыслил своего существования в Англии без своей правой руки и поверенного во всех делах Анатолия Кравца, который к тому же обучал своего подопечного и английскому языку на добровольных началах.

Но в целом услуги Анатолия оплачивались так щедро, что вскоре он задумался о переезде в Лондон с приобретением там собственного дома. А работа персональным и личным секретарем олигарха стала его основным видом деятельности.

Тот ввел Анатолия в свой круг, заключил с ним бессрочный договор о совместной деятельности, в котором строго оговаривался перечень его обязанностей, помог ему приобрести несколько весомых акций в своем предприятии, и Кравец зажил вольготно и богато. Он оказался в нужном месте в нужный час, а так везет далеко не каждому.

Все сложилось отлично в жизни его семьи, но неожиданно заболела жена. Лечение было долгим и мучительным. Несмотря на все старания поиска лучших врачей и клиник, болезнь прогрессировала, и за два долгих года его жена превратилась в тень, совсем перестала вставать с постели и наконец угасла в тихом забытии, даже не попрощавшись.

Зое на тот момент было десять лет. Она жалела маму, но почти не плакала, когда та умерла. Ей казалось, что мама

наконец избавилась от мучений, и так для нее лучше.

Анатолий после смерти жены растерялся. У него на руках осталась дочь, и хоть последние годы жена и не была большим помощником в ее воспитании, все же эффект ее присутствия как-то поддерживал определенный статус полноценной семьи, а сейчас он остался один, была, конечно, помощница по дому, но Зое нужен кто-то рядом, чтобы помогать ей с учебой и в повседневной жизни.

Как ни странно, девочка сама нашла выход из положения и предложила устроить ее в одну из школ-интернатов, или в пансионат. Анатолий занялся поиском школы и нашел одну из лучших, куда и определил дочь с нового учебного года.

Все вернулось на круги своя. Работа, бизнес поглотили его целиком. О женщинах он и не думал. Да и не встречалась ему подходящая кандидатура для серьезного любовного романа. Англичанки слишком чопорны, а те, которые попроще в манерах, либо некрасивы, либо с кучей проблем. Большинство из них замужем, а желающие просто развлечься на стороне вызывали у Анатолия чувство брезгливости. Сказывалось его комсомольско-пуританское воспитание, в котором, возможно, и не было ничего плохого, но оно все же выработало в мужчине определенную закомплексованность, и он оставался один.

Когда его дочь Зоя закончила школу, а затем и университет, она переехала к отцу и предалась безделью. Учиться ей так надоело, что хотелось отдохнуть, расслабиться, по-

жить наконец в красивом, уютном и комфортном доме отца. Но примерно через полгода девушка почувствовала скуку и некоторую отрешенность от мира. Ей захотелось заняться чем-то интересным, увлечься какой-то идеей и реализовать себя.

По профессии Зоя была журналистом, но ни одной статьи, ни одного материала ею написано не было, она нигде не печаталась, попросту оставаясь дома. И вот теперь ей стало как-то даже некомфортно. Для чего было заканчивать университет? Чтобы сидеть без дела?

Она поделилась своими мыслями с отцом, а он в свою очередь со своим боссом. Олигарх, недолго думая, организовал свою собственную малотиражную газету и пригласил Зою стать ее редактором. Но девушка отказалась.

– Нет, это для меня слишком сложно. Я согласна писать, даже редактировать статьи, если нужно. Могу брать интервью, но выпуском газеты пусть занимается кто-то другой.

Желающего, стать редактором газеты, искать долго не пришлось, и уже через неделю их познакомили, Зою Кравец и Даниила Бурова. Молодые люди с энтузиазмом взялись за дело. Газета для русскоговорящих бизнесменов Англии под названием «Деловая хроника» имела успех и раскупалась хорошо. Но Зое было не интересно. Ни бизнес, ни политику она не любила, поэтому статьи и всякие деловые обзоры писала неохотно, интервью ей тоже давались с трудом. Они проходили вяло и даже скучно порой, а отсюда и мате-

риал для газеты получался соответствующий.

Даниил переписывал почти каждую статью сам, он понимал, что Зое это занятие не по душе и старался помочь. Хотя, он бы так не старался наверное, если бы не был влюблен в свою нерадивую журналистку.

– Зоя, я вижу, что эта работа тебе не по душе. Но ты же журналист! Вот о чем бы ты хотела писать, скажи мне, – спросил он ее однажды во время бизнес-ланча в уютном кафе в деловом центре Лондона.

– Ты знаешь, все, что угодно, только не эти цифры с бешеными нулями, который каждый пытается выставить на показ и в то же время как-то оправдать. Это чертовски скучно. Все одно и то же!

Девушка рассуждала, а Даниил смотрел на нее, точнее даже любовался. Говорила она по-русски совсем неплохо, но легкий, едва уловимый акцент придавал ей какой-то особый шарм. Он никогда не жаловался на Зою и на то, что ему приходится работать за двоих. Он не хотел ее терять, поэтому всячески поддерживал и помогал.

Как-то так само собою получилось, что молодые люди начали встречаться. Сначала это были совместные обеды, задержки в офисе с работой над материалом, посещение презентаций и деловых фуршетов. Потом начались посещения выставок, концертов, пикников, и только вдвоем. Это называлось разрядкой и отдыхом от трудовых будней.

Не прошло и года, как Даниил признался девушке в люб-

ви. Зоя восприняла эту новость без особого энтузиазма. Ее поклонник был деловой, оборотистый, очень умный и хорошо воспитанный молодой мужчина, но он был совершенно некрасив. Тонкие губы, жидкие волосы, глаза с белесыми, почти незаметными ресницами, худой и щуплый, он не вызывал у нее ответных чувств. Хотя характер у Даниила был замечательный, и он всегда был великолепно одет, чем в основном и обращал на себя внимание при первой встрече.

Но зато, когда он начинал говорить, то все остальное уходило на задний план, и собеседник буквально был поглощен и его голосом, и интонацией, и умными разговорами. В этом Даниилу не было равных.

Признание в любви тоже прозвучало очень уверенно и немного даже по-деловому. Зоя усмехнулась тогда и сказала в ответ:

– Честно признаюсь, я этого не ждала. Я всегда считала тебя своим другом, Даня. Давай все оставим, как есть. Мне очень интересно с тобой, я к тебе привыкла. Но это вряд ли перерастет в серьезное чувство с моей стороны. Извини.

– Хорошо, – ответил Даниил без тени обиды. – Пусть все остается, как есть. Можешь меня считать просто коллегой, деловым бойфрендом.

Они оба засмеялись, и Зоя заметила:

– Ты больше, чем коллега. Я обожаю наши с тобой встречи по выходным. Ты – мой лучший друг.

Так и повелось. Молодые люди вместе увлеченно работа-

ли, вернее, увлеченным был только Даниил, а Зоя лишь добросовестно выполняла свои задания, поручения, писала статьи и старалась сдавать их вовремя, чтобы Даниилу хватило времени на их обработку перед выпуском.

Все шло неплохо, но через какое-то время Зою охватила тревога. Она занимается нелюбимым делом лишь потому, что ей так просто удобно. У нее нет и никогда не было близкого человека, мужчины, которого она бы любила. Да, у нее есть замечательный друг Даниил, но она понимала, что и ему нелегко. Он ее любит, мучается, виду не подает, но все же страдает. Она это знала из разговора с отцом.

И в какой-то момент девушке вдруг захотелось все бросить, что-то резко изменить в своей жизни, куда-нибудь уехать, остаться совсем одной и разобраться в своей жизни. Ей двадцать пять лет всего, а ее уже засосала какая-то рутина, неинтересная жизнь никому не нужной одиночки. Это был душевный кризис, а помог ей опять же Даниил.

– Знаешь что, бросай все к чертовой матери, и эту работу, и эту хандру свою. И уезжай куда-нибудь на месяц. Отдохни, потом возвращайся и все меняй, все абсолютно! И жилье, и работу, и друзей. Не нужен и я тебе. Держишься за меня, чтобы одной не остаться, и чтобы никто не приставал. А ты оглянись вокруг, Зойка. Проснись. И все встанет на свои места, вот увидишь.

Зоя прислушалась к его совету и решила поговорить с отцом. У того никогда не было времени, чтобы побеседовать

с дочерью по душам. Он просто считал, что у той все в порядке. Работа замечательная, дружок есть, а замуж ей все равно рано.

Когда Зоя наконец рассказала Анатолию о своих проблемах, он был поражен.

– Неужели все так плохо? – спросил он.

– Хуже не бывает. Я устала, папа. От одиночества и от одиозности просто устала. Я хочу уехать куда-нибудь одна и разобраться с самой собой.

Через неделю после этого разговора девушка была уже в пути. Отец приобрел для нее замечательный круизный тур на трансатлантическом лайнере «Королева Виктория» из Великобритании в Рио-де-Жанейро. Тур был рассчитан как раз на месяц, то, что надо.

Отдых был замечательным, комфортабельная каюта с огромным иллюминатором, за которым простирался иссиня-бирюзовый Атлантический океан, масса развлечений на борту лайнера, бассейны, кинозал, дорогие бутики. Единственное, что немного огорчало – это публика. Респектабельная, солидная, но пожилая. Молодежи не было почти совсем, не считая нескольких замужних пар, многие из которых совершали свое свадебное путешествие и предпочитали уединение.

И тем не менее, Зоя отдохнула. Ее успокоило отсутствие забот, тревожных мыслей о нелюбимой работе, а безбрежный океан зарядил ее какой-то особенной энергией, вдохнул

в нее нечто новое. Она как будто бы действительно проснулась от долгого сна и почувствовала себя молодой и красивой.

Во время ее путешествия Анатолий Кравец задумался о том, что нужно приобрести для дочери отдельное жилье. Им вдвоем в его роскошном доме было, конечно, не тесно. Но все же будет лучше, если его повзрослевшая дочь будет жить одна, самостоятельно. Он решил дать ей «личное пространство», о котором неустанно твердят все психологи в Англии.

Для покупки дома он обратился в давно ему знакомое агентство по недвижимости, а курировал его дела лично Дэйвид Винтер, владелец своей крупной компании. Когда Зоя вернулась из дальних странствий, Анатолий пригласил ее на прием к Дэйвиду в надежде показать ей несколько вариантов, о чем он, впрочем, дочь не предупредил. Он захотел сделать ей очередной сюрприз.

Вот так произошло знакомство двух молодых людей. Ну а дальше все сложилось очень удачно для них двоих. Молодые люди быстро нашли общий язык, Анатолий Кравец в свою очередь стал всячески поощрять их отношения. Ему очень хотелось, чтобы дочь была счастлива, а Дэйвид ему нравился. Он производил впечатление очень порядочного, крепко стоящего на ногах мужчины с собственным устойчивым бизнесом, с солидным капиталом в банке и огромным пентхаусом в зеленом районе Лондона Риджентс парк.

К тому же он был еще и аристократ, сэр Дэйвид Винтер, имея фамильный титул с незапамятных времен. Об этом, впрочем, Анатолий сначала не знал. Но он всегда наводил справки о людях, с которыми вступал в серьезные деловые отношения, и тогда до него дошло, что обращение «сэр» к Дэйвиду присутствует не просто ради приличия.

Через несколько месяцев после знакомства Дэйвид сделал своей любимой девушке предложение, вручив платиновое колечко с бриллиантом в два карата, и ее судьба была решена.

Еще до свадьбы Дэйвид Винтер еще раз обговорил условия приобретения дома для Зои с её отцом и дал ему понять, что теперь в этом нет большой необходимости.

– У меня, как вы знаете, огромный пентхаус в Лондоне, а в подарок своей жене я намерен приобрести старинный особняк в графстве Девоншир. Я его уже присмотрел. Думаю, не спешите с покупкой дома.

Анатолий переговорил с дочерью, и та согласилась, хотя об особняке он пока не заикнулся по просьбе своего будущего зятя.

– Не траться. Мне бы хотелось свой дом, конечно. Но давай решим этот вопрос после свадьбы.

А затем этот вопрос и вовсе забылся, ушел на задний план, так как начались приготовления к свадьбе: список гостей, который утрясался три месяца, рассылка приглашений, заказ свадебных нарядов и прочие приятные хлопоты, без которых

не обходится ни одно значимое событие в Англии.

На свадебное торжество, подготовка к которому продлилась больше года, было приглашено не менее ста человек. В основном, это были важные деловые партнеры Дэйвида, некоторые из которых считались его друзьями. Помимо множества дальних родственников семьи Винтер, приехали из Флориды и родители Дэйвида, которые уже почти десять лет проживали в Штатах, был приглашен олигарх с супругой и бывший лучший друг Зои Даниил Буров. Но он явился не один. Рядом с ним красовалась милая девушка по имени Линда, которая ни на минуту не отпускала от себя кавалера и во все глаза рассматривала Зою.

Невеста с красиво уложенными волосами, изумительным макияжем, в чуть розоватом платье из легкой органзы, сшитом на заказ в эксклюзивном свадебном ателье, в элегантных туфельках на тонюсеньких каблучках выглядела просто очаровательно. Дэйвид был ей под стать. Высокий, стройный в дорогом шерстяном костюме темно-синего цвета в тончайшую полоску, он всем своим видом выражал радость, гордость и полное наслаждение происходящим.

Пышную аристократическую церемонию устроили в изысканном ресторане Ритц на улице Пикадилли, который славился своей кухней, великолепной русской водкой и черной икрой. Банкетный зал ресторана утопал в живых цветах, в основном белых и розовых розах, таких же воздушных шарах, и ту же тему повторял дизайн потрясающего свадебного

торта, предположительная стоимость которого зашкаливала за отметку восемьсот фунтов стерлингов.

После этой роскошной свадьбы молодых ждал полный любви и нежности медовый месяц на Карибских островах. Яхта, кабриолет, пляжи, солнце – все располагало влюбленных молодоженов к беззаботному отдыху. А по возвращении Дэйвид сделал своей молодой жене, леди Зое Винтер, еще один сюрприз.

Как оказалось, задолго до свадьбы он приобрел роскошный старинный особняк, где они могли бы оставаться вдвоем в любое время, убегая от суеты и шума делового Лондона, который при всей своей красоте и уникальности иногда все же утомлял.

В течение долгих месяцев в особняке шел капитальный ремонт, и вот наконец молодая чета въехала в свой загородный дом, который поразил своим размахом даже видевшую виды Зою.

По правде сказать, дом был не слишком велик, если учитывать количество комнат и спален, хотя им двоим и этого было много. Но Зою удивили размеры его помещений, огромный холл, широченная лестница, ведущая в верхние покои, полукруглая столовая с видом на дремучий парк. Все в доме производило впечатление добротной старины, включая красивую антикварную мебель и мраморные светильники во всех углах.

В день приезда после ужина Дэйвид устроил для жены экскурсию по их новым владениям. Сначала обошли дом, потом вышли в парк. Там было изумительно красиво, но немного мрачновато и прохладно. Зоя не удержалась от наивного вопроса:

– Интересно, а привидения в этом замке есть?

Дэйвид засмеялся, обнял Зою и тихо проговорил:

– Есть! Этому дому больше ста лет. Поэтому не может не быть.

Это была, конечно, шутка, но девушка немного поежилась, как от прохладного ветерка и сказала:

– Хотела бы я увидеть хоть одно. А кто здесь раньше жил, ты не знаешь?

Дэйвид устремил свой взгляд куда-то в небо и произнес:

– Здесь давно никто не жил. Дом передавался по наследству разным людям. И вот последняя наследница решила его продать.

– А кто она? Ты ее видел? – не успокаивалась Зоя. У нее вдруг разыгрался страшный и непонятный интерес к этому старинному дому.

Дэйвид немного подумал и сказал:

– Я точно не знаю, кто она. Но лучше в этом не копать.

– Почему? Она что, очень старая и умерла здесь? Так это меня не испугает.

– Не испугает, говоришь? Странно. Да, она умерла, но не здесь, а в доме своих бабушки и деда в Корнуэлле.

– Умерла? Тогда как же она продала тебе этот дом?

– Она оставила своему поверенному в делах завещание и доверенность на его продажу в пользу государственной казны. Не бери в голову. Это все ерунда. Главное, что стоил он относительно недорого, поэтому я смог позволить себе сделать хороший ремонт. Теперь дом наш. Не думай о про-

шлом.

Супруги вернулись внутрь, где их уже ожидал чай, ликер и приятно согревающий гостиную камин. Они устроились в глубоких удобных креслах, и Дэйвид стал просматривать газету, а Зоя задумалась. Ее взору предстала седая английская дама со строгим лицом, в старомодном платье и с сухими жилистыми руками, которые она держала перед собой. Видение было странным. И хоть Зоя и понимала, что это лишь в ее воображении, но все равно ей стало не по себе. Очень уж четко она представила себе эту женщину, которую никогда в жизни не видела.

– Ладно, я пойду, пожалуй. Приму ванну и почитаю в кровати, – сказала Зоя, положив руку на плечо мужа.

Он улыбнулся, поцеловал ее руку и со словами «я не долго» снова углубился в газету.

Молодая женщина уютно устроилась в кровати, разомлев после горячего душа, включила ночник и стала читать книгу, ожидая мужа. Но в доме стояла тишина, не слышно было ни шороха. Зоя почтала с полчаса и решила предупредить Дэйвида, что она решила заснуть. Осторожно выйдя из спальни, она посмотрела вниз, в гостиную и увидела его, все еще сидящем в кресле к ней спиной, но уже без газеты.

«Странно, задумался о чем-то», – подумала Зоя и тихонечко окликнула его.

– Я здесь, – услышала она за своей спиной и, вздрогнув, резко развернулась.

Дэйвид стоял перед ней в дверях спальни, уже переодетый, в велюровом халате и с полотенцем через плечо. Он обнял жену и нежно поцеловал ее, после чего Зоя повернула голову и вновь посмотрела вниз. Гостиная была пуста, камин погашен, и в кресле никого не было.

– Ты меня испугал, – сказала Зоя. – Мне показалось, что ты еще там, внизу.

– Да нет же, я был в гардеробной, переоделся и направляюсь в душ. Пойдем, дорогая.

Они вернулись в спальню, Зоя улеглась в постель, а Дэйвид, подмигнув ей, скрылся в ванной комнате. Женщине было не по себе. Это странное видение немного испугало ее.

«Ну ладно кресло, мне просто показалось, что в нем сидит Дэйвид. Но камин! Я точно помню, что в нем еще тлели угольки. Не могли же они погаснуть за минуту!» – думала Зоя, но мужу так ничего и не сказала. Все это выглядело бы просто странным, и вряд ли бы он ей поверил.

Следующий день был выходным. Молодая пара предалась безделью.

– Я уезжаю на работу завтра с раннего утра. А у тебя какие планы? Поедешь со мной в Лондон или останешься здесь? – спросил Дэйвид жену за обедом.

– Ой нет, опять три часа в дороге. Я отдохну, пожалуй, здесь. А ты надолго? Когда вернешься?

– Не раньше среды. Все эти дни я буду очень занят. В четверг более-менее свободен. Поэтому поработаю из дома,

проведу день с тобой. В пятницу у меня серьезная встреча, после которой снова вернусь сюда на выходные. Не будешь скучать?

– Буду, конечно. Ладно. Зато я займусь наконец поиском работы.

Зоя с Дэйвидом обсуждали тему ее работы, и ни о каких офисах, журналистской деятельности с интервью и срочными написаниями горяченьких статей не было и речи. Все это очень хлопотно, требует постоянного пребывания в Лондоне в местах событий, езда, беготня, нервотрепка. Тогда Дэйвид и предложил:

– Нет, ты лучше поищи какие-нибудь небольшие издания, которым нужны внештатные работники пера. Будешь время от времени посылать им свои эссе, написанные на темы, которые интересуют тебя. Что-то напечатают, что-то нет. Но зато для души, не на конвейер.

– А о чем писать? – неуверенно спросила Зоя.

– Да обо все подряд. Например, напиши об этом старинном доме, о его истории, об английских традициях, которые с ним связаны. Покопайся в интернете, я уверен найдешь массу интересного. Получится материал, который заинтересует многие журналы для домохозяек.

– Понятно. Попробую, – девушка ответила без особого энтузиазма, но суть того, что предлагал ей Дэйвид, она уловила.

Слог у нее хороший, литературным английским она владеет в совершенстве, можно было работать для себя, пи-

сать красивые заметки, небольшие интересные рассказы, эссе, как их называл муж, и пытаться печататься. Почему бы и нет? И при деле, и без особого напряжения.

В понедельник утром Зоя проводила мужа в Лондон и сразу приступила к делу. Розалия, их домработница, хлопотала по дому, прибиралась, проветривала комнаты, полировала мебель. Двигалась она бесшумно, почти незаметно. Она поинтересовалась, что приготовить к обеду и ужину, и снова исчезла в кулуарах дома.

Зоя прошла в большой просторный кабинет, где была довольно обширная библиотека, точнее, стеллажи с книгами, которые высились до потолка. Стоял массивный дубовый стол с красивой настольной лампой под старину, удобное кожаное кресло. И совсем уж инородным телом в этом старинном убранстве в стиле ретро смотрелся новенький изящный компьютер. Одному богу известно, как он в принципе был подключен к интернетной сети.

Зоя удобно устроилась за рабочим столом и приступила к просмотру электронной почты и поиску интересного материала. Но оказалось, что это не так-то просто найти сведения об их старинном доме. Адрес у него весьма своеобразный, может дом имеет какое-то название, как это часто бывает у богатых владений в Англии?

И тут вдруг она услышала голос Розалии:

– Этот особняк имеет старинное название «Грейсвилл Манор», это бывшее поместье леди Грейс Вилл.

Зоя подняла голову и увидела домработницу, стоящую в дверях. Она не могла видеть, что именно Зоя просматривает на компьютере, так как монитор был повернут к двери своей задней частью. Немало удивившись, женщина спросила:

– Вы даже знаете, что я в настоящий момент пытаюсь найти?

– Ну вы же обсуждали этот вопрос с мистером Винтером, не так ли?

– Да, так. Но впредь, если мне нужен будет ваш совет, я сама попрошу вас о помощи.

– Слушаюсь, мадам, – проговорила Розалия и вновь исчезла из виду.

«Странная женщина. Откуда она знает это название, интересно? Она ведь и не англичанка, а, судя по имени, итальянка. Но что-то ей известно об этом доме. Неспроста она здесь», – подумала Зоя и углубилась в интернет-поиски.

Ей удалось отыскать отрывочные сведения о «Грейсвилл Манор», который был отреставрирован больше века назад мистером Джорджем Вилл для своей драгоценной жены Грейс. Это было поместье с угодьями на вершине небольшого холма, окруженного лесом. Леди Грейс любила уединение, и вся ее прислуга жила в отдельном доме, который доньше не сохранился. Большого о самом доме Зое найти не удалось.

Тогда она стала искать информацию о Джордже и Грейс Вилл, и тут она углубилась в такие дебри, что не могла ото-

рваться от компьютера до самого вечера. Она пропустила свой ланч, но в пять часов была настоятельно приглашена Розалией к чаю.

– Ваш обед совсем остыл, мадам. Но я приготовила вам чай. Пожалуйста, перекусите, а я займусь ужином.

– Нет, не стоит, – сказала Зоя. – На ужин я поем то, что приготовлено к обеду. Просто подогрейте, готовить ничего не нужно.

– Как прикажете. Я еще нужна вам, миссис Винтер? – покорно спросила Розалия, накрыв стол к чаю.

– Да. Я хотела спросить у вас, что вам известно об этом доме и, главное, откуда? Вы итальянка?

– Нет, мадам. Я родом из Сицилии, но всю свою жизнь, с пяти лет, я живу в здесь, в этих краях. Моя мать вышла замуж за английского моряка, который стал моим отчимом, и мы переехали в Англию почти пятьдесят лет назад.

– Судя по всему, вам кое-что известно об этом имении. Мне очень интересна его история.

– Вы меня простите, – ответила Розалия, – но я мало, что знаю.

Глаза ее при этом странно забежали, и Зоя поняла, что женщина пытается что-то скрыть и уйти от разговора.

Когда Розалия вышла из столовой и прикрыла за собой дверь, леди Винтер в глубоком раздумье приступила к чаепитию. А подумать было над чем.

«Кто она, эта женщина? Почему она вступает в беседу,

когда ее не просят и явно уваливает от разговора, когда он необходим?» – размышляла Зоя и решила поговорить о ней с Дэйвидом.

После чая девушка снова углубилась в поиски. Сначала ей не попадалось ничего интересного. Имя Вилл хоть и не было распространенным, но все же встречалось в Британии с давних пор и корнями уходило в Корнуэлл.

Дальнейшие поиски ни к чему интересному не привели, и она спустилась в столовую. Массивные старинные часы пробили восемь часов вечера. Розалия накрыла стол к ужину, картофельная запеканка с соусом, овощной салат, бокал белого вина и ванильный пудинг.

Готовила их экономка хорошо. Зоя ела с удовольствием, но у нее в голове роились какие-то мысли, не давали покоя имена и даты жизни людей в этом доме. Она уже знала, что с середины пятидесятих годов в имении никто не жил. Последняя наследница уехала отсюда в те далекие годы. Она была долгое время одинока, ни родителей, ни каких-либо других родственников здесь не имела, поэтому дом остался пустым и пустовал до сих пор.

Все это она вычитала в архивных материалах, найденных на одном из сайтов старинной недвижимости и пыталась представить, что же произошло и почему эта леди покинула свой дом, выставив его на продажу, и почему его никто не покупал.

Ночь прошла тоже беспокойно. Какая-то тревога за-

таилась в душе молодой женщины. Она понимала, что с прошлым этот дом связывает только месторасположение и внешняя постройка. Внутри же все основательно переделано. Новые стены, новый пол, потолки, окна. Все было заменено, выполнено из добротного материала, проложены заново все коммуникации. Практически новое жилище внутри старого строения.

Сам же дом сносить до основания не имело никакого смысла. Фундамент был добротным, да и архитектуру трудно было бы восстановить. И все же, в этом доме есть какая-то тайна. Она хранится здесь и поныне, и Зоя во что бы то ни стало решила эту тайну разгадать.

Замки и привидения

Леди Зоя Винтер увлеклась историй дома, в котором она проживала, но к великому сожалению сведения, которые ей удалось найти в интернете, были весьма скудными и больше походили на мистический рассказ с элементами ужасика. Но ее очень заинтриговала история любви молодых супругов Вилл, которые проживали в этом имении с конца 19 века. История была краткой и именно поэтому похожа на правду, но вот то, что случилось с ними позже, в начале двадцатого века, было больше похоже на мистику.

Она сделала небольшую выборку и получалось так, что с самого начала существования поместья в этом доме жили люди, которые постоянно испытывали страх, наводимый какими-то неведомыми силами. Зоя старалась отмести любые мистические домыслы, да и Дэйвид, когда приехал, тоже сказал жене:

– Нельзя верить всем этим интернетным уткам. Если хочешь докопаться до правды, ищи все сама, обратись в архивы, я уверен, ты найдешь много интересного. А эти страшилки забудь. Никто их все равно не напечатает. Ими уже давно наводнен интернет.

Зоя подумала и решила отправиться с мужем в Лондон в ближайший понедельник.

– Отца проведаю, ну и в архивы загляну. Ты меня заин-

триговал этой идеей!

– Скорее уж эта идея тебя заинтриговала. Я рад, что сумел помочь. Не люблю, когда ты скучаешь и чувствую себя виноватым, когда оставляю тебя одну.

– Да, ты прав. Без тебя мне скучновато бывает. Но я не одна, Розалия в доме.

– Да, кстати, как она?

– Все нормально. Неразговорчивая, но иногда мне кажется, что она мысли мои читает. Только подумаю о чем-нибудь, она тут как тут с тем же самым. Уже несколько раз замечала.

– Розалию мне порекомендовали в одной солидной фирме по найму, она из здешних мест, с хорошим послужным списком.

– Да я не жалуясь. Она превосходно справляется с домашней работой, – сказала в ответ Зоя, но беспокойство в ее словах, а точнее, в голосе все же присутствовало, и это не ускользнуло от Дэвида.

Ночью в воскресенье, перед отъездом в Лондон, Зоя спала беспокойно. Вставать и выезжать нужно было рано, а она не собрала вещи с вечера, боялась не успеть и немного нервничала. Дэвид спал крепким сном, когда она поднялась с постели и решила сходить в столовую, чтобы выпить теплого молока, это всегда успокаивало ее, и она легко засыпала.

Бесшумно спускаясь вниз по ступенькам, она увидела свет на кухне и немало удивилась. Было далеко за полночь, Розалия должна спать.

«Может быть свет забыла выключить», – подумала Зоя и распахнула дверь. В сторону метнулась какая-то тень, будто ребенок пробежал вприпрыжку, и больше никого не было.

Женщина слегка вздрогнула и позвала громко:

– Розалия, вы здесь?

Из-за массивного посудного шкафа неожиданно показалась она, Розалия, будто стояла в углу за шкафом и пряталась.

– Что вы здесь делаете? И почему не спите в такое время? – удивленно спросила Зоя с некоторым раздражением в голосе.

– Я здесь работаю, мадам, на кухне. Вы об этом знаете.

– Но не в это же время! Вы что, совсем спать не ложитесь? Три часа ночи, помилуйте...

– Ах, да. Я, наверное, время перепутала. Обычно я встаю в четыре. Вам что-то угодно?

– Нет, благодарю, – с этими словами Зоя вошла в кухню, и решила осмотреть ее. Не давала покоя метнувшаяся в сторону тень. Может, ей показалось?

Она обошла довольно просторное помещение, заглянула за шкаф, за которым пряталась Розалия, в недоумении пожала плечами и вышла.

Ранним утром они с мужем позавтракать не успели, наспех выпили лишь по чашке кофе и выехали.

– Я вернусь среди недели, только не уверенна, когда именно, – сказала Зоя своей служанке и поспешила в автомобиль

к дожидавшемуся ее Дэйвиду.

По дороге в Лондон она рассказала мужу о своем ночном приключении.

– Она пугает меня иногда. Какие-то выходки дурацкие.

– Ну встал человек раньше обычного, ошиблась со временем. Не бери в голову, дорогая.

– Да она и не ложилась! У нее на манжете пятно от соуса, я вчера за ужином еще заметила. Она перехватила мой взгляд и сказала, что сменит платье. А сама была все в том же.

– А утром? – переспросил Дэйвид из вежливости, только лишь, чтобы продолжить разговор.

– Утром она была в другой одежде, разумеется.

– Ну не сердись. Если она устраивает тебя, как работник, не бери в голову ее странности.

До Лондона доехали молча, так как Зоя почти всю дорогу дремала. Дэйвид подвез жену к дому, и они распрощались до вечера. Придя домой, она сразу же позвонила Даниилу Бурову. Тот так обрадовался ее звонку, что тут же пригласил свою бывшую подругу на ланч.

– Я тебя жду в нашем кафе. Сможет подъехать к часу?

– Конечно, что за вопрос. Я буду обязательно.

Встретились молодые люди очень радостно. Даниил обнял подругу и, не удержавшись, чмокнул ее в щеку. Они заказали легкий обед и разговорились. Сначала о своих семейных делах, оказалось, что Даниил собрался жениться на Линде, своей невесте, с которой он приходил на свадьбу Зои и Дэй-

вида.

– Она славная женщина, меня любит, в отличие от некоторых, – сказал он с шутливым упреком.

– Да я и не сомневаюсь, что любит. Ты ведь классный, Дания. Это я просто привыкла к тебе, как к коллеге и другу, а до любви так дело и не дошло. Мой просчет. Ну а ты-то ее любишь?

– Да как тебе сказать? Я не хочу больше ничего искать. Мне с ней как-то комфортно, понимаешь? Не требовательная, спокойная такая. Все ее устраивает. Короче говоря, синица в моих руках.

– Ой, Данька, смотри! Как влюбишься в какого-нибудь журавля, что делать-то будешь?

– Мой журавль уже улетел навсегда, так что забудем. Расскажи о себе, как живешь, чем дышишь?

Зоя рассказала Даниилу о своем последнем интересе, о доме, в котором она теперь живет, и о его истории.

– Там какие-то тайны и загадки. Мистика какая-то. Я хотела бы покопаться поглубже. Ты мне поможешь?

– Всю жизнь мечтал написать о чем-то этаким: старинный английский замок, привидения, тайны, покрытые мраком. А профиль моей работы другой. Поэтому с превеликим удовольствием. Давай вместе пороемся. Хотя, дом ваш не такой уж и старый, сколько ему, лет сто – сто пятьдесят?

– Я не знаю точно, но была одна женщина, которая продавала его аж с пятидесятих годов. Но вряд ли нам удастся

ее найти. Разве что, родственников.

– А где она сейчас? Ты уверена, что она жива. Сколько ей лет?

– Уточню у Дэйвида. Все, что я знаю, это то, что уехала она в Корнуэлл, до этого была хозяйкой Грейсвилл Манор, но затем покинула его и выставила дом на продажу, но его никто так и не купил. Звали ее, по-моему, Элизабет. А лет ей, наверное, около ста или более того. Поэтому, вряд ли она жива. Дом продавал ее поверенный в делах, так как сама она либо не очень хотела его продавать, либо просто не смогла.

– Да, история странная. Я наведу справки. У меня есть знакомый в Национальном архиве Британии, я через него искал концы одной русской фамилии, родственников для очередного богатенького соискателя британского гражданства. Так вот, этот знакомый мне здорово помог.

На этом время ланча истекло. Даниил засобирался в офис, и они договорились о встрече сразу же, как можно будет попасть в архив.

Вечером Зоя рассказал мужу о встрече с Буровым и об их решении изучить историю Грейсвилл Манор.

– Мне безумно интересно. Ты подкинул мне блестящую идею, дорогой.

– Я рад. Мне тоже интересно, что вы раскопаете. Только не сильно увлекайся, иногда подобные истории уводят в такие дебри, что сам не рад, что стал докапываться. Поверь мне, я сам столкнулся однажды. Об одном из старинных до-

мов, который я продавал, покупатели захотели узнать всю подноготную. Стоил он баснословно дорого и потерять такую сделку мне не захотелось. Я пообещал, что узнаю как можно больше.

– И что? Тебе удалось? Было что-то интересное?

– Дорогая моя, там и убийства, и фамильная вражда, и месть, и гибель детей – и все в этом злосчастном доме на протяжении почти двух веков. Я чуть с ума не сошел. Его так и не купили, не захотели жить в доме с таким кровавым прошлым.

– Привидений испугались?

– Ты зря смеешься, между прочим. Старинные английские замки, поместья и дома как раз этим славятся.

– Да, это мне известно. Но вот ты, например, встречал хоть одного человека в своей жизни, который сам лично видел привидение?

– Да, встречал. Но в силу своей рациональности и здравого смысла я просто не поверил ему. Хотя посидел он за одну ночь. За день до этого был темноволосый, а на следующее утро явился с густой седой прядью.

– Ну расскажи, что же случилось? Наверняка, он с тобой поделился, – ни на шутку заинтересовалась Зоя.

– Он уехал в свой загородный дом на выходные со своей престарелой матушкой. Она в этом доме родилась, и ее мать, и ее бабушка. То есть дому было лет двести, если не больше. Вечером они сидели вдвоем у камина в креслах и вели

неспешную беседу. По его словам из стены неожиданно вышел человек в одежде монаха со склоненной головой и скрещенными на груди руками. Он прошел через всю комнату мимо них и исчез, войдя в противоположную стену.

– И матушка тоже его видела? То есть, это не была, скажем, галлюцинация?

– Видела, конечно. Но она не испугалась, утверждает, что наблюдала это явление и раньше. Привидение вдруг материализуется ниоткуда и тихо исчезает. Вреда никому не приносит. А мой друг от ужаса поседел.

– Забавно! Ну я тоже не верю. Вернее, не поверю, пока собственными глазами не увижу. Хотя, знаешь что, я ведь тебе не рассказывала одну странность, которая произошла со мной в первую ночь нашего пребывания в Грейсвилл.

И тут Зоя в подробностях рассказала мужу о том случае, когда она видела его, сидящим в кресле, тоже у камина, а он в это же время подошел к ней сзади и обнял.

– Понимаешь, когда я вновь повернулась и посмотрела вниз, то тебя там уже не было. Очень неприятное видение.

– Вот именно, видение, спросонку. Но не привидение. Это две большие разницы.

Они еще долго проговорили о подобных вещах, верить или не верить, бояться или не бояться. И пришли к выводу, что нет, конечно, дыма без огня, что-то где-то происходит не совсем понятное. Но к ним это не имеет никакого отношения. Они современные, здравомыслящие люди. А вот ис-

тория их старого дома – это вещь все же интересная, и было бы неплохо разузнать ее получше.

Давняя история и забытые имена

На следующий день к обеду позвонил Даниил и пригласил Зою в архив.

– Нас будут ждать во второй половине дня, подъезжай ко мне и поедем.

Зоя была очень возбуждена предстоящей интересной работой. Ей хотелось как можно скорее взглянуть на архивные материалы, хотя она даже не представляла себе, что ее ждет и какую информацию она сможет заполучить.

Уже в одиннадцать часов утра молодые люди были на дороге в Ричмонд, где располагался архив Британии и всю дорогу придумывали различные варианты исторических хроник, которые они смогут там разыскать.

Прибыв на место, они были тут же приняты и зарегистрированы, затем были вынуждены немного подождать, когда освободиться знакомый Даниила. Он появился примерно через четверть часа, очень внушительного вида джентльмен по имени Майкл, который провел их в небольшой кабинет.

Он внимательно выслушал просьбу посетителей, просмотрел документы, касающиеся Грейсвилл Манор, которые Зоя захватила с собой и пообещал найти все, что касается этого дома.

– Но вам придется подождать. Не думаю, что там будет секретная документация, но если так, ее придется изъять. Я

должен вас предупредить об этом.

Зоя с Даниилом переглянулись и согласно закивали. Понятно, что выбора у них не было, но надежды на то, что там будет нечто секретное, тоже было мало.

— Хотя знаешь, всякое бывает, — неуверенно произнес Даниил, — ведь по какой-то причине дом не продавался больше, чем полвека.

— Ладно, посмотрим. Мне просто интересно, когда он был построен, и кто в нем жил с начала основания.

Наконец дверь в кабинет вновь открылась, и Майкл, нагруженный несколькими папками, появился на пороге.

— Ну вот, все, что смог отыскать. Распишитесь вот здесь, количество папок, время вручения документов, ваше полное имя, цель запроса.

После этих формальностей Зоя с Даниилом наконец приступили к просмотру. Каждая папка изобиловала строительными чертежами, в подробностях изображающими план постройки и расположения каждого этажа, комнат, подвальных и цокольных помещений. Было видно, что дом перестраивали несколько раз, но в чертежи молодые люди особо не углублялись.

Они нашли историческую справку о первоначальной постройке, осуществленной в 1835 году. Это было поместье графа Люмерье, английского поданного, но француза по происхождению. Он выстроил этот дом для себя, купив прилежащие земли, и вел затворнический образ жизни.

ни. В возрасте шестидесяти лет граф неожиданно женился на двадцати восьмилетней англичанке Марии Дрэтфулл, урожденной Вилл, молодой вдове. Когда у них родился сын, имение было переписано на саму Марию, после чего граф Люмерье вскорости скончался.

Мария Люмерье, согласно архивным документам, проживала в поместье с сыном Эдвардом и врачом, мистером Нилом Льюисом, который присматривал за умственно неполноценным сыном Марии.

Когда Эдварду исполнилось шестнадцать лет, при загадочных обстоятельствах умирает его мать, а в последствии, двумя годами позже, погибает и Нил Льюис. Причины их смерти в архивных документах не указывались, от этого сведения казались тревожными и не очень приятными.

Таким образом, восемнадцатилетний и не совсем здоровый граф Эдвард Люмерье остается в огромном поместье один. Сумасшедшим его уже никто не считал, мужчина был достаточно адекватен, но иногда, хотя и крайне редко, у него случались припадки, с которыми он научился справляться без посторонней помощи.

Судя по всему, Эдвард располагал достаточными средствами, чтобы затеять полную реконструкцию дома, а сам в это время отправился в путешествие по Европе. Во Франции, на родине своего отца, он знакомится со своей кузиной Валери, которая старше его на несколько лет, и женится на ней.

Валери переезжает с мужем в Англию, в его новый дом и начинает рожать ему неполноценных детей, ни один из которых не доживает до возраста пяти лет.

В этом месте в документах явный пробел, так как факт захоронения детей обрывается на словах: «...все дети графа и графини Люмерье были похоронены...» – дальше информация отсутствует. Видимо, документ, подтверждающий место захоронения детей, был изъят, как секретный.

– Странно, – заметила Зоя, – где же они захоронены? Если на местном кладбище, то что тут секретного?

Даниил ответил:

– Ну мало ли? Может быть родители так завещали. Скорее всего, они имели могильный склеп, местонахождение которого неизвестно. Разные причины могут быть. Поехали дальше.

А вот дальше было еще интереснее и страшнее. В документах утверждалось, что во время родов своего девятого по счету ребенка, умирает измученная бесконечными родами жена графа Валери Люмерье. Было указано, что родилась девочка, которую родители хотели назвать Маргарет.

Но после смерти жены новорожденная дочь Эдварда исчезла, а сам он, якобы, окончательно лишился рассудка. Найти ребенка не удалось, и все решили, что в исчезновении виноват отец Эдвард, хотя вразумительного объяснения от него добиться не удалось.

Опекуном умалишенного графа Люмерье становится его

дядя по материнской линии, вдовец барон Ричард Вилл. Он переселяется в поместье вместе со своим малолетним сыном Джорджем, но Эдвард становится опасным для мальчика, и его изолируют в верхних покоях. За ним присматривает специально нанятая сиделка. Но через три года Эдвард выбросился из окна, а недоглядевшая за ним сиделка была отдана под суд.

Барон Вилл вместе с сыном наследует имение и вскоре женится на простолюдинке Катрин Гринн, в надежде на то, что она поможет ему в воспитании сына и поддержании порядка в доме. Новоиспеченная Катрин Вилл оказалась женщиной малограмотной, плохо воспитанной и со скверным характером.

Она бросалась гневными обвинениями в адрес Ричарда, что он убил и Эдварда, и его новорожденную дочь. Она ненавидела юного Джорджа, которому на ту пору исполнилось пятнадцать лет. Она третировала мальчика, занималась рукоприкладством, и тем самым довела мужа до болезненного состояния, что приковало его к постели. Развестись со своей женой барон не мог, его пугала сама процедура развода, так как он был совсем немощным, а так же он боялся, что разгневанная Катрин будет мстить его сыну и убьет его.

За больным бароном, Ричардом Виллом, сначала ухаживала прислуга, жена не подходила к его постели. Больного переселили в покои, где жил когда-то Эдвард, туда же переехал и его сын Джордж Вилл. Он поддерживал отца, как мог,

но истеричная Катрин не давала ему покоя, и, когда юноша закончил учебу, он тут же покинул дом отца по его же настоянию.

Джордж знал, что отец составил завещание, согласно которому все имущество переходит ему, а доктора заверили, что жить барону оставалось совсем немного. Гневная Катрин вряд ли подняла бы руку на своего мужа, это было бы слишком очевидно. Она знала, что ждать его кончины оставалась недолго. Но она не имела понятия, что находится в завещании, а для того, чтобы устранить единственного соперника, Джорджа Вилла, она могла бы пойти на все и прибегнуть к любым методам, чтобы убрать его с дороги.

Юноша простился со своим немощным отцом, который большую часть времени был в забытии и, покинув его, переселился в Корнуэлл.

– А дальше я все знаю! – воскликнула Зоя. – Этот юноша, Джордж Вилл, знакомится в Корнуэльской деревушке с очаровательной девушкой по имени Грейс и увозит ее в наше имение, которое в ее честь было переименовано в Грейсвилл Манор.

– Откуда такие познания? – удивился Даниил.

– В интернете вычитала. Там целый рассказ о них.

– Прекрасно, но нам нужно подвести итоги и расставить всех на свои места. Итак, по порядку.

Зоя открыла свой ноутбук, и молодые люди сделали подробную запись происходящих событий. В процессе Зоя за-

метила:

– И все-таки много информации отсутствует. Столько людей умерло, причем в молодом возрасте. Но не понятно, почему, по какой причине. Мать и врач сумасшедшего Эдварда, например. Что с ними случилось? Умерли при невыясненных обстоятельствах.

– Да он и не похоже, что был сумасшедшим. Кто-то его старался выставить таковым, тебе так не показалось?

– Ну с ума он сошел после смерти жены, а раньше был просто неполноценным ребенком, но в зрелом возрасте стал вполне адекватным. Так бывает? – спросила Зоя.

– Не знаю. Теперь уже все равно ничего не доказать. И какова причина его самоубийства? Сам ли он из окна выбросился?

– Ладно, дальше, смотри: его новорожденная дочь исчезает. Куда? Почему ее никто не смог найти? Даже если она умерла, как все остальные дети Эдварда, то об этом бы знали.

– Вот это мне показалось наиболее странным. У меня такое ощущение, что она осталась жива, но была украдена кем-то, – высказал предположение Даниил.

– Кем и зачем? Она прямая наследница. Если она осталась жива, значит рано или поздно должна появиться, чтобы заявить о своих правах на имение отца.

Молодые люди еще долго рассуждали о том, что им удалось раскопать в архивных файлах, и вся эта история их более, чем заинтриговала. Когда настало время возвращать до-

кументы, совершенно неожиданно, в самой последней папке обнаружилась странная запись. Было похоже, что это лист из дневника кого-то из обитателей дома.

Запись была сделана торопливо и почти неразборчиво, поэтому Даниил сделал фотокопию на свой мобильный телефон и сказал:

– Тут что-то явно интересное. Постараюсь расшифровать.

В кабинет вошел Майкл, служащий архива, и затребовал папки.

– Хватило вам времени, чтобы найти то, что нужно?

– Да, спасибо. Огромное спасибо, дружище. Но в моей журналистской практике такое расследование впервые. Оказывается, это чертовски интересно.

– Я думаю. Вам, журналистам, везет. Имеете доступ к интереснейшим историческим материалам. Не все этим могут похвастаться.

На этом молодые люди расстались, и Даниил с Зоей отправились назад, в Лондон. Всю дорогу они обсуждали полученную информацию, перетасовывали колоду событий, анализировали родство жителей этого старого дома и наконец пришли к выводу, что даже на основании имеющегося у них материала, со всеми пробелами и нестыковками, все равно должна получиться отличная статья, историческая хроника старого имения Грейсвилл Манор.

– Ты пока начинай работать, составь план, расставь всех на свои места. А я займусь записью, сфотографированной

на мой телефон. Думаю, Майкл был бы не в восторге, если бы узнал о моем поступке. Но выхода не было. Интересный листочек, задумчиво проговорил Даниил.

– Да, мы поступили некорректно, мягко говоря, – подытожила его подруга. – Нам доверять нельзя.

Страхи и сомнения

Вечером Зоя поделилась с мужем своими впечатлениями о прочитанном, о том, что им удалось узнать. Дэйвид слушал с интересом, а в конце сказал:

– Да, занимательная история, прямо скажем. Но только не доверяй слишком фактам о всякой там мистике. Это надумано. Иначе ты начнешь бояться даже несчастную Розалию, видя в ней перевоплотившегося дьявола.

– Да я ее уже боюсь. Она, может, и не дьявол, но особа весьма странная. И есть в ней что-то мистическое, – ответила Зоя.

– Прекрати, я тебя умоляю. Что в ней мистического? Мысли читает на расстоянии, ночью не спит? Это все твои домыслы, малышка. Я тебе уже говорил, не бери в голову.

Разговор на этом закончился, и Зоя стала с нетерпением ждать разгадки того странного, пожелтевшего от времени листка. Там не было никаких шифровок или старинного текста. Обычная запись черными чернилами, но очень неразборчивым почерком.

Все утро следующего дня она провела дома, в уютной и просторной квартире Дэйвида с видом на красивый парк и пыталась начать статью, составив предварительно план. Но ничего не получалось. Чувствовалась какая-то зажатость слога, казенность фраз, и текст получался сухим и неинте-

ресным.

«Нет, так не пойдет», – подумала Зоя и оставила свое творчество до лучших времен. – «Почему я такая несобранная? Что-то меня отвлекает от основной мысли, пишу, как для своей бывшей газеты „Деловая хроника“, сухо и бесцветно».

Девушка решила позвонить Даниилу, может быть он что-то успел прояснить? Он ответил на звонок почти сразу же и сказал второпях:

– Я немного занят сейчас, готовлюсь к интервью. Но поговорить есть о чем. Я заеду к тебе вечером?

Молодые люди договорились о встрече, и Зоя отправилась прогуляться. До вечера было еще достаточно времени, а дома без дела сидеть не хотелось. Она вышла в Риджентс парк, один из самых красивых в Лондоне, прошлась по его аллеям и присела на скамейку в тени деревьев. В голове у нее прокручивалась все та же тема, Грейсвилл Манор со всеми его тайнами и старинными событиями, которые не давали покоя.

Девушка и не заметила, как рядом на лавочку присела пожилая женщина, точнее сказать старушка, не очень опрятного вида, с седыми прядями торчащих из-под помятой фетровой шляпы волос.

– О чем вы так задумались, молодая леди? – неожиданно спросила ее старушка.

– Я? Ни о чем. Просто расслабилась немного, – растерянно ответила Зоя и хотела было уйти, но старушка продолжи-

ла беседу:

– Вы думаете о чем-то серьезном, и вас что-то беспокоит, не так ли? Я могу помочь.

– Я не просила, спасибо. Но, если вы так любезны, то скажите пожалуйста, вы верите в привидения?

Зоя и сама не ожидала, что она задаст столь странный и бестактный вопрос незнакомой женщине. Но что-то как будто подтолкнуло ее к этому. И спросила она как бы против своей воли.

Пожилая женщина посмотрела на нее в упор и ответила тихим, скрипучим голосом:

– Я даже знаю, почему вы спрашиваете об этом.

«Еще одна ясновидящая», – промелькнуло у Зои в голове, а старуха продолжила:

– Начитались всякой ерунды? Думаете, этот вопрос можно разрешить с пол щелчка?

– Какой вопрос?

– О привидениях, существуют они или нет. Не задумывайтесь об этом, пока сами не столкнетесь. Все не так просто. Я, например, живу среди них. А никто их кроме меня не видит. Бесполезно объяснять тем, кто от тонких материй далек и связи с ними не имеет. Не всем дано.

– А вам почему дано? – продолжала беседу Зоя.

– Потому что я давно уже не в этом мире живу, юная леди.

Зоя посмотрела на старуху более, чем изумленно, но та беззвучно засмеялась и сказала:

– Не пугайтесь, все не так страшно, как вам кажется. Но мой вам совет, не лезьте в дебри непознанного, это может плохо кончиться для вас, накликайте беды.

– Да ну вас, – всердцах сказала Зоя, встала и быстро пошла по аллее в направлении к выходу.

– Сама напросилась, – услышала она вслед, но на старуху не обернулась.

Ей не было страшно, просто общение с такими вот, мягко говоря, необычными людьми всегда наводит какую-то неосознанную неприязнь. Никто не любит, когда к ним в душу лезут, да еще пытаются давать советы. Но виновата она сама со своими дурацкими вопросами о привидениях. Куда ее занесло, зачем спросила?

Зоя так и не смогла ответить на этот вопрос, она пришла домой и постаралась выкинуть эту неприятную встречу из головы. Неожиданно зазвонил телефон, и девушка вздрогнула. Она осторожно взяла трубку, но тут же облегченно вздохнула, это был Даня. Он освободился раньше, чем рассчитывал и предлагал встретиться.

– Подъезжай ко мне, буду рада тебя видеть, – ответила Зоя и подошла к зеркалу.

Посмотрев на свое отражение, она аж отпрянула от неожиданности. На лице не было ни грамма косметики, глаза и губы не накрашены, волосы прибраны кое-как, будто она только что с постели поднялась. Лицо бледное, без макияжа.

– Я что, с ума сошла? Я так на улицу ходила? – сказала девушка вслух и попыталась припомнить свое утро и сборы на прогулку. Но на ум ничего не приходило.

Она помнила, как сидела за компьютером, размышляя над статьей, помнила разговор с Даней по телефону, а потом вспомнила себя лишь на скамейке в парке. До этого полный провал. Как она собиралась, одевалась или причесывалась – не помнила совсем.

Зоя быстро привела себя в порядок и решила не задумываться о своем провале в памяти. Но это все равно не давало ей покоя. Ну в конце концов, как можно такое забыть и тем более, выйти на улицу столь неопрятной?

Вскоре пришел Даниил, и ее мысли переключились на более важные дела.

– Ну как, разобрал что-нибудь? – нетерпеливо спросила Зоя, даже не дав гостю пройти в комнату.

Он глянул на нее, поздоровался, сказал, чтобы она набралась терпения и попросил чашку крепкого кофе.

– Может выпить хочешь? Виски, шерри?

– Да нет, я за рулем все-таки. А кофейку бы с удовольствием.

Молодые люди расположились в гостиной. Аромат кофе витал по комнате, было по-домашнему уютно, и если бы не Зоин тревожный взгляд, то все бы смахивало на полную идиллию.

– Ты чего так напряжена? Случилось что-то?

– Нет, просто заинтригована, жду твоих умозаключений.

Даниил открыл свой ноутбук, пощелкал клавишами и наконец нашел то, что нужно.

– Судя по всему, запись была сделана Эдвардом. Ошибок не счесть числа, но суть не в этом. Он для кого-то намеренно оставил эту записку, но, похоже ее так никто и не нашел. Скорее всего, он упрятал ее в каком-то тайнике, ну а во время очередных реставрационных работ тайник был обнаружен, а все его содержимое передано в архив.

– Понятно. И что же там написано? Бред сумасшедшего или нечто важное и интересное?

– Нечто. Ты права. Вот, что мне удалось прочесть:

«Когда со мной случится страшное несчастье, то знайте, что я был убит. Каждую ночь ко мне является привидение, страшное и черное, призрак имения, как он себя называет. Он говорит мне, что я буду умирать в страшных муках и гореть в огне после смерти, если я буду продолжать свое существование. Я должен уйти из жизни, так как я не должен был даже родиться. Я урод, и мое существование бессмысленно. Я ему не верю, я спорю с ним. Но призрак не приклонен. Он убьет меня, я знаю. И еще. Когда призрак разговаривает со мной, моя сиделка зачастую лежит на полу, как без чувств. А уходит он всегда в окно, хотя моя комната довольно высоко. Я боюсь жить, и я должен уйти. Граф Э. Люмерье».

– Вот, как-то так, – закончил свое чтение Даниил и взгля-

нул на Зою.

Она сидела неподвижно, будто с каменным лицом. Ни эмоций, ни удивления. Через минуту она словно ожила и тихо произнесла:

– Какой ужас... Почему же он никому ничего не рассказывал? У него же был опекун. И раз уж Эдвард был так опасен для мальчика, то это мальчика надо было изолировать, а не хозяина дома. Бедный Эдвард. Мне искренне жаль его. Он не был сумасшедшим. Он был просто больным и несчастным человеком. А легкие умственные отклонения, так у кого их нет, извините.

Видно, что Зоя была очень расстроена. Она пыталась понять, кто третировал бедного Эдварда и довел его до самоубийства:

– Здесь какая-то загадка. Кто-то добивался его смерти, чтобы завладеть имением, это ясно. Но кто?

– Ричард Вилл, я думаю. Раз он в итоге все унаследовал...

– Нет, вряд ли, – возразила Зоя. – Он и так все получил, и жил в имении со своим сыном, и было понятно, что имение со временем перейдет его сыну. Эдвард бы и так умер рано или поздно.

– Да, но лучше раньше, чем позже. И потом, больше просто некому. Никому другому это имение все равно не досталось бы, – настаивал на своем Даниил.

– Не скажи! Ты забываешь о пропавшей малютке, дочери Эдварда. Вот, где тайна. Смотри, все предыдущие дети уми-

рали, один за другим. Брак между кузенами оказался нежизнеспособным. А последняя девочка просто исчезла.

– Ну и что? Дети же умирали не при рождении, а в возрасте от трех до пяти лет, значит и эта девочка могла умереть в раннем детстве.

– Согласна, но вот пока она не умерла и была жива, кто-то и пытался отправить Эдварда на тот свет, чтобы...

– Чтобы что? – прервал Зою Даниил, – тебе не кажется, что все это слишком сложно, и никаких очевидных фактов, подтверждающих это предположение в дальнейшем просто нет. Ричард Вилл со своим сыном завладели имением, сиделка пошла под суд. Все чисто.

– Да, выглядит все так. Хорошо бы раздобыть документы этого суда.

– Ну это уж слишком, моя дорогая. Мне кажется, надо на этом остановиться. Тебе и так предостаточно материала для написания исторической статьи.

– Не получится. Без домыслов ничего не выйдет, слишком много белых пятен. А с домыслами – это уже будет полный фикшн, роман для домохозяек.

– Вот и замечательно. Опубликуешь, станешь писательницей. С журналистской практикой ты покончила, как я понял. Пиши книгу, я уверен, получится бестселлер.

Молодые люди еще поговорили немного, И Даниил засобирался домой.

– Спасибо тебе, Даня. Ты мне очень помог.

Когда за ее приятелем закрылась дверь, Зоя снова нашла записку Эдварда, копию которой Даниил предварительно переслал на ее электронную почту, и стала внимательно вчитываться в каждое слово. Ей хотелось понять чувства этого человека и убедиться в правдивости его слов.

Наверное, он и сам до конца не верил, что все это происходит с ним на самом деле. Если кто-то внушал ему, что он умственно не здоров, значит он мог поверить в то, что все происходящее – это лишь плод его больного воображения. Как же он мучился, несчастный. Но опекуну ничего не говорил. Или говорил?

Опять вопросы и загадки. Зоя понимала, что за давностью лет разрешить их она не в состоянии. Остается только догадываться.

Наступал вечер. Зоя решила выйти на свежий воздух, затем вернуться и приготовить ужин к приходу мужа. Что-то легкое, типа буженины с сыром, мягких булочек и фруктов. Вечером Дэйвид много не ел, так как обычно плотно обедал.

Супермаркет был недалеко, женщина неспеша дошла до магазина, купила виноград, бутылку легкого вина и так же, не торопясь, вернулась домой. Уже почти совсем стемнело. Она вошла в квартиру и, включив свет, заметила в углу просторного холла что-то белое: то ли клочок бумаги, то ли носовой платок.

Она подошла поближе, подняла странную вещицу и тут же бросила ее на пол. Это был манжет Розалии со знакомым ей

пятном от соуса. Все это выглядело настолько странно, что у девушки даже руки затряслись.

Зоя тут же набрала номер телефона мужа и спросила, когда тот вернется.

– Я задержусь, дорогая. Поужинай без меня, – услышала она в ответ и разрыдалась.

Жизнь и страдания Эдварда Люмерье

Эдвард Люмерье остался сиротой в шестнадцатилетнем возрасте. Отец его умер давно, когда Эдвард был еще младенцем, и он его совсем не помнил. На стене в гостиной висел портрет графа, его отца. Седовласый мужчина взирал на сына властным взглядом своих пронзительных глаз. Его губы были плотно сжаты, одет он был в сюртук из парчи, а на груди его красовалось пышное жабо.

Маленький Эдвард всегда побаивался этого портрета, ему казалось, что на него смотрит мертвый отец и за что-то его все время осуждает. Мальчик всегда пробежал мимо него, стараясь не смотреть на портрет, а его опекун и врач мистер Нил Льюис часто говорил ему:

– Ты должен чтить своего отца. Он был весьма достойным господином. А если ты будешь шалить, он будет очень недоволен.

Мать Эдварда, Мария Люмерье, была женщиной спокойной, тихой. От нее исходило какое-то жалостливое тепло, она часто плакала, прижав сынишку к груди, и говорила ему:

– Бедный ты мой. За что тебе такое наказание? Ты должен научиться читать и писать. Ты должен быть послушным мальчиком, а то Боженька накажет тебя еще больше.

Эдвард ее слов не понимал. Он о своем недуге не знал и не догадывался. А его умственная отсталость заключалась в том, что он почти совсем не умел разговаривать, плохо различал цвета и очень часто плакал без причины. Причем плакал навзрыд, до истерик и порой до потери сознания. Когда с ребенком случалась «падучая», как тогда называли такую болезнь, мама с ним совладать не могла. Ей на помощь приходил доктор Льюис, который уносил мальчика в его комнату, там он его успокаивал, применяя специальные настои трав и лечебные бромиды. Тогда ребенок затихал, погружаясь в глубокий сон, как в кому.

После таких истерик он мог проспать больше суток и приходилось его будить, чтобы покормить. Просыпался он неохотно, был вялым и равнодушным к окружающему миру. И восстанавливался в течение довольно длительного времени.

Потом он снова становился живым ребенком, бегал по дому, выбегал в парк, но всегда под наблюдением Льюиса.

Мать старалась читать ему книги, учила рисовать, разговаривала с ним. Но на вопросы Эдвард никогда почти не отвечал внятно, он что-то бормотал себе под нос, тыча пальчиком в картинки, а рисовал совсем плохо. Обычно у него получались лишь какие-то линии, штрихи и каракули.

Когда ребенку исполнилось десять лет, Мария наняла ему учителей для развития речи, обучения грамоте и чтению. Надо сказать, что занимался мальчик усердно, и уже через

полгода он знал наизусть два-три несложных стихотворения, умел складывать буквы и читать по слогам. Его истерики тоже заметно сократились. Теперь он не впадал в них без причины, а только тогда, когда был сильно обижен или расстроен. И самым большим его недостатком на тот момент оставалось заикание.

Шло время, Эдвард подрастал. Однажды мать нашла его в парке с книгой в руке. Он был увлечен чтением и даже не заметил, как она подошла к нему. Материнское сердце возликовало. Она подумала о том, что ее сын все же поправился от своего врожденного недуга, а дальше будет еще лучше. Юноша взрослеет, познает мир, проявляет интерес к жизни, к тому же он стал намного спокойнее, что тоже являлось знаком его выздоровления с ее точки зрения.

Она всегда с радостью обсуждала это новое состояние сына с его врачом, который продолжал проживать в их доме по сию пору. Об их отношениях ходило много слухов. В основном среди прислуги. Все считали, что они любовники, но со временем к этой мысли постепенно привыкли, и данная тема почти никогда в доме не обсуждалась.

Но в одно хмурое мартовское утро одна из слуг обнаружила Марию Люмерье мертвой в своей постели. Графиня была еще довольно молода, сорока пяти лет от роду. На здоровье не жаловалась, поэтому ее кончина показалась всем более,

чем странной. Правда, одна из слуг тут же вспомнила, что слышала, как горько и громко рыдала госпожа в своей спальне накануне вечером.

Нил Льюис, приглашенный прислугой, бегло оглядев покойную, пришел к заключению, что она отравилась.

– Это яд, видимо какой-то алкалоид, – сказал он. – Но причины я не знаю, Мария со мной не делилась.

И тем не менее, Нил Льюис лгал. Причиной того, что Мария Люмерье свела счеты с жизнью, был их серьезный разговор накануне вечером. Мария призналась своему возлюбленному в том, что она ждет от него ребенка.

– Нам надо узаконить наш союз, – сказала она. – У нас родится ребенок, это ли не счастье?

Но доктор Льюис ее восторга не разделял.

– А что, если ты опять родишь какого-нибудь уродца? Ты об этом не задумывалась? И потом, жениться я не намерен. Тебе надо избавиться от этого ребенка.

Мария была в отчаянии. Ее очень испугали слова Нила Льюиса, они ее обидели и оскорбили до глубины души. Она так тяжело перенесла его отказ, что горько проплакала весь вечер, жалея себя, ребеночка, которому не суждено будет родиться, и сына Эдварда, которого она не могла сбрасывать со счетов. А придется ему отойти на второй план, когда родится еще один ребенок.

Да и каким он родится? А вдруг Нил прав, вдруг опять неполноценный?! Мария долго не могла успокоиться, пока

наконец в дверях ее спальни не появился Льюис.

– Не плачь, дорогая. Я принес тебе успокоительное, а также средство, которое поможет спровоцировать выкидыш. Ты не должна рожать. Поверь мне. Поступи благоразумно.

При этом мужчина поставил на столик два пузырька со снадобьем и сказал:

– В том, что поменьше, успокоительное. А во втором то, что тебе нужно. Сначала выпей его. Если не поможет, завтра повторим. Здесь на два раза.

С этими словами доктор повернулся и ушел. Мария зажгла свечу, перекрестилась, прочитала молитву и развела снадобье в стакане с водой.

– Нечего растягивать на два раза, – прошептала она. – Грех-то какой, лучше уж одним разом.

Она выпила раствор, затем накапала успокоительных капель, чтобы ее одолел сон и не думалось всю ночь о грехе, затушила свечу и легла в постель. Моментально ее сковал ледяной холод, озноб колотил до судорог. Бедная женщина свернулась клубочком, закуталась в одеяло и стала отходить ко сну. Засыпая и проваливаясь как в бездну, она прокляла своего возлюбленного-душегуба, помолилась за сына, попросила прощения у Бога и отошла в мир иной.

Никаких пузыречков в ее спальне обнаружено не было, предсмертного письма тоже. Отравление казалось бессмысленным и странным. Всех подвергли жесткому допросу, осо-

бенно досталось Нилу Льюису. Но тот все отрицал, ссылаясь на то, что с ядами никаких дел не имеет, прекрасно осознавая, что то средство, которая приняла Мария в огромной дозе, все равно не оставляет видимых следов. Вот если бы мышьяк или стрихнин, тогда другое дело, а так все бесполезно. Доказать его причастность невозможно.

После смерти матери несчастный Эдвард Люмерье впал в страшную апатию, перешедшую со временем в депрессию. Надо отдать должное его опекуну, что тот не оставил юношу без внимания. То ли чувствуя свою вину перед ним, то ли просто выполняя свой профессиональный долг, но он усердно выхаживал Эдварда, помогал ему справиться с горем, постигшим его.

– Зачем она умерла, почему? – спрашивал молодой человек уже почти год спустя после трагедии.

– Одному Богу известно, – отвечал Нил Льюис. – Смирись и молись за нее. Она была замечательная женщина, а я тебя не оставляю, всегда буду при тебе.

Но прошел еще год, и Нил Льюис ушел вслед за Марией. Скончался он так же тихо, скорее всего от внутренней язвы, которая последние полгода совсем не давала ему покоя. Он лечился травами, принимал всякие снадобья, но тем не менее, страшно худел, плохо принимал пищу, мучился от болей и наконец умер.

Восемнадцатилетний Эдвард остался один. С ним случился припадок, когда умер доктор Льюис, но юноша закрылся

в своей комнате, никого к себе не впускал. Долго проплакал, катаясь по полу и колотя себя кулаками по телу. Но потом враз успокоился и уснул прямо на полу, в поту и в пене. И так проспал до утра.

На следующий день от его истерики не осталось и следа. Он взял себя в руки и даже распорядился насчет похорон, чем немало удивил видевшую виды прислугу.

Спустя полгода, Эдвард Люмерье затеял реконструкцию и перестройку своего имения, вступив в свои наследственные права. Он узнал о немалом капитале, принадлежавшем ему, и решил внести часть этих средств в переустройство. Нанял толкового производителя всех строительных работ, хорошего архитектора и, обсудив с ними план реконструкции, отбыл на родину своего отца, во Францию.

Эдвард упаковал его портрет, решив увезти его из дома. Этот портрет всегда, с раннего детства вселял ему ужас, зачем держать его в новом доме? Этот человек был ему незнаком, а там, во Франции, его родня, братья и сестры, будут рады такому подарку.

Семейство Люмерье встретила Эдварда радушно. Он прибыл в Кале ранним утром. И когда корабль пришвартовался у причала, к нему поспешили два брата его отца. Они привезли Люмерье в свое родовое поместье в Бретани и устроили довольно пышный прием.

Граф был счастлив и окружен родными. При нем постоянно присутствовал один из слуг, говорящий на английском,

так как французский язык Эдвард почти не знал, к тому же заикался. И тем не менее общение с родней плодотворно сказалось на его общем состоянии. Вскоре Эдварда пригласили погостить в дом самой младшей сестры его отца, женщины довольно пожилой, которая жила в отдалении, среди собственных виноградников. У нее было шестеро детей, уже довольно взрослых. Все почти обзавелись семьями, кроме самой младшей, Валери.

Кузина Эдварда была почти на шесть лет старше его, совсем некрасива лицом, но стройна и изящна. Это придавало молодой женщине определенный шарм, к тому же она очень откровенно заигрывала с молодым графом и прекрасно говорила по-английски, правда с французским прононсом. Эдвард, не привыкший к женскому вниманию, поддался на ее чары, и, вернувшись назад в Бретань, в дом своего дяди, привез кузину с собой.

— Какая приятная неожиданность! Валери не была в нашем поместье с самых юных лет. Вы очаровали ее, граф!

Молодые люди почти не расставались. Эдварду больше не нужен был переводчик, он наслаждался обществом Валери, а она в свою очередь все больше и больше кокетничала с ним, но даже в ее зрелом возрасте такое поведение совсем не портило эту молодую особу.

Перед возвращением на родину Эдвард Люмерье сделал своей избраннице предложение, и все семейство, включая матушку Валери, благословили их на брак. С подарками,

небольшим приданым и огромным сундуком с одеждой Валери молодые вернулись в Англию, и только там обвенчались.

Когда Эдвард привез будущую жену в свое имение, она осталась в восторге от дома, в котором ей теперь предстояло жить и расположилась в отдельной спальне. Эдвард не возражал. Венчание было назначено лишь через месяц, поэтому будущие супруги продолжали вести пуританский образ жизни, оставаясь влюбленными друзьями.

Валери, при всем своем кокетстве и игривом характере старалась показать своему будущему супругу, что она влюблена и мечтает выйти замуж за Эдварда, но невинность свою намерена соблюдать до замужества.

А будущий супруг в этих делах разбирался совсем плохо. Он даже не смог определить, что его жена оказалась не девственна, когда после венчания они оказались наконец на брачном ложе. Валери учила своего неискушенного в любовных делах молодого мужа всем тонкостям интимной жизни, а он просто наслаждался новыми отношениями, доселе неизвестными ему ощущениями и полюбил Валери так по-детски наивно, что без нее жизни уже себе не представлял.

Он даже не задумывался о том, почему она до сих пор не была замужем, а причина была проста. Совсем еще молоденькой девушкой Валери была обещана, закрутив роман с заезжим офицером. Но он бросил ее, оставив одну на виду у всей округи, а после такого позора замуж ей было не вый-

ти. Нравы французской провинции были довольны суровы, а на девушке лежало клеймо гулящей кокетки. Так и осталась бы она одна, если бы не Эдвард. Он спас ее от позора, увез из ненавистной провинции в другую страну и сделал английской графиней. При этом не знал и не подозревал о ее пороке. Это ли не блестящая партия для Валери?

Супруги зажили полноценной семейной жизнью, а вскоре Валери забеременела. Родила она в срок, но роды были тяжелыми, и ребенок родился почти бездыханный, его выходили, он остался жив, но через год, когда Валери уже вновь была беременна, первенец умер. Развивался ребеночек плохо, часто болел и уберечь его не было возможности.

Родители перенесли эту потерю очень тяжело. Они похоронили свое дитя в отдаленном уголке обширного парка, соорудив ему могилку с каменной плитой и стали ждать своего второго.

Но, видимо, не суждено им было стать родителями. Каждый последующий малыш обязательно страдал каким-нибудь недугом, и каждый из них крайне плохо развивался: кое-кто на ножки не вставал, кто-то совсем не держал головку, и до трех-пяти лет доживали немногие.

Эдвард и Валери были в отчаянии. Приверженница католической веры, Валери рожала всех детей, которых ей посылал Бог, но всех их они с мужем хоронили у себя в парке с печально завидной регулярностью.

Наконец Валери и вовсе отчаялась. Она перестала вы-

полнять свой супружеский долг, почти никогда не ложилась с мужем в постель, заявив при этом, что всем этим мучениям и страданиям нужно положить конец. Ей было далеко за тридцать, и она превратилась в некрасивую, нервную женщину, хотя сохранила при этом свою врожденную французскую статью.

Эдвард тоже страдал. Его вновь стало мучить чувство вины, но самое страшное то, что после смерти каждого ребенка с ним случался очередной припадок. Его приводили в чувство, но потом он надолго впадал в затяжную депрессию, и жизнь в доме Люмерье становилась мрачной и безрадостной.

В такие времена Валери обычно посвящала себя лошадям. Сразу же по прибытии в имение она попросила мужа приобрести ей пару хороших породистых лошадей. Она ездила верхом, очень любила ухаживать за животными, но все же при конюшне держали и конюха.

Звали его Билл, он был высокий и нескладный, но дело свое знал хорошо. Когда Валери отправлялась на прогулку на одном из скакунов, Билл всегда выгуливал и второго. Они вместе объезжали соседние угодья, поля и пастбища. Почти никогда не разговаривали, хотя конюх всегда очень внимательно следил за своей хозяйкой и предупреждал любое ее желание: скакать наперегонки галопом, или иноходью вдоль реки, или спешиться и пройти пешком по луговой траве, ведя лошадей под уздцы.

В этот раз Валери с Биллом уехали слишком далеко от их имения. Женщине вовсе не хотелось возвращаться домой. Там ее ждал больной, неразговорчивый муж, запах лекарственных настоек и тоска по последнему, совсем недавно похороненному ребенку. Эта обстановка была настолько удручающей, что бедная женщина подумывала о том, не вернуться ли ей домой, во Францию, и забыть свою неудавшуюся семейную жизнь, как кошмарный сон.

Они с Биллом сидели в лесочке, лошади паслись неподалеку. Было тепло, солнечно и спокойно, и вокруг ни души. И вдруг эти двое сплелись в страстном объятии, сами Наверное того не ожидая. Мужчина так крепко прижал Валери к себе, что она задохнулась в его сильных руках и утонула в долгом, сладостном поцелуе. Потом их тела обнажились, Валери поддалась зову какого-то внутреннего чувства и отдалась этому настойчивому, давно желавшему ее мужчине.

Они занимались любовью и наслаждались друг другом довольно долго, пока не стемнело. Потом вместе искупались в мелководной реке, оделись и молча отправились домой. Их отношения больше никогда не повторялись. Это был как раз тот случай, когда мужчина мечтал о близости с недоступной ему женщиной, наконец он ее получил, и пыл пропал, чувства остыли.

Для Валери их случайная связь ничего не значила бы во все, если бы она не почувствовала, что вновь беременна. Маленькая и тоненькая ниточка надежды на то, что ей все же

суждено будет стать матерью и родить полноценного ребенка от этого здорового и пышущего страстью мужчины, заставила ее поддаться зову своего сердца и женского начала.

В ту же ночь, когда она осознала свое положение, Валери пришла в спальню к мужу, который уже немного пришел в себя, и он ее не прогнал. Валери не составило большого труда соблазнить Эдварда, он вновь почувствовал себя мужчиной и ответил на призыв жены. Ему еще не было и тридцати, и зрелость его мужского возраста брала свое, несмотря на недуги.

– А ты не боишься вновь забеременеть? – спросил Эдвард после затяжного и немного болезненного акта любви.

– Если это случится, то это будет самый последний раз, – заявила ему жена, произнеся эту заранее заготовленную фразу, и уснула в его объятиях.

Всю беременность супруги страдали и переживали, особенно Эдвард. Он не хотел этого ребенка, он знал наперед, что родится нежизнеспособное чадо, но Валери зачастую пребывала в таком странном состоянии, что он и удивлялся, и поражался ее эйфории.

Конечно, муж не переубеждал жену, не говорил ей о своих уверенных до глубины души опасениях. Он просто решил для себя, что на все божья воля, пусть Валери сделает эту последнюю попытку, а вдруг это именно тот ребенок, который продолжит его род? Хотя... Надежды на это у бедного Эдварда не было совсем. Их солидный по тем временам

возраст тоже настораживал: ему скоро тридцать, Валери уже к сорока. Когда же они успеют вырастить и воспитать это дитя? Но рассуждать было поздно, на все воля божья!

Однажды Билл подкараулил беременную Валери и отвел ее в глухую часть парка. Там же, к великому ее изумлению, их ожидала мать Билла, Катрин Гринн, которая служила экономкой у них в доме.

– Вы должны нам признаться, мадам. Вы вынашиваете дитя Билла? – строго спросила она, в то время как сам Билл крепко держал Валери за руку выше локтя.

Женщина немного растерялась и ответила недовольно:

– С какой стати я должна перед вами отчитываться? Какое вы имеете право требовать от меня подобных объяснений?

Но Катрин не отступала.

– Мадам, я точно знаю, когда этот ребенок должен появиться на свет. Если мои сроки совпадут, то вам не отвертеться. Вы будете обязаны...

Но Валери не стала слушать продолжения этих угроз. Она метнула в сторону экономки злобный взгляд и гневно выкрикнула:

– Пусти меня! – при этом выдернув свою руку из цепкой хватки Билла.

Она убежала домой и дала волю слезам. Ей совсем не хотелось проблем с прислугой и со своим случайным любовником, дитя которого она носила под сердцем. Ей просто, чисто по-женски, хотелось стать матерью, и отцом этого ре-

бенка она подсознательно считала Эдварда, хотя знала, что это далеко не так.

Незадолго до родов к ним в дом пришла и попросила аудиенции женщина, очень опрятная, статная, в солидном возрасте и заявила, что она акушерка со стажем.

– Вы простите меня, я знаю о несчастье вашей семьи, это не секрет для нашего небольшого городка. Я бы хотела помочь. Несколько родов у вас были довольно сложными, местные повитухи не очень знают, как с такими вещами справляться. А я знаю, у меня богатый опыт. К тому же, вы в возрасте. Это довольно опасно. Разрешите мне принять на свет ваше дитя. Плату я возьму большую, но вы не пожалеете.

Женщина говорила очень уверенно, без ошибки определила срок и беременности, и даже родов. Потом она внимательно осмотрела Валери и заявила, что та родит девочку.

– Хорошая будет девочка, но крупненькая. Доверьтесь мне, не рискуйте. Я не дам ее сгубить, у меня судьба такая, детей на свет принимать.

Супруги Люмерье долго совещались, вели оживленные переговоры между собой и наконец согласились. Акушерка внушила им доверие, и они дали свое добро.

– Ну вот и славно. Меня зовут Анна, я перееду к вам за неделю до родов и буду неустанно наблюдать за мамочкой. Мы вместе подготовим все необходимое, а потом вместе ро-

дим. Все будет хорошо. А вы побольше лежите, милочка.

С этими словами Анна удалилась, получив приличный за-
даток и появилась на пороге вновь ровно за неделю до родов.
Она прибыла с огромным чемоданом, в котором имелось все
необходимое для нее самой и роженицы. Она показала все
атрибуты Валери и Эдварду, затем внимательно осмотрела
комнаты и выбрала место для принятия родов. Попросила
запастись большим количеством воды и в итоге пригласила
Эдварда для приватной беседы.

– Мне очень жаль вам это говорить, сэр, но роды бу-
дут очень трудными, поверьте мне. Я буду полностью ответ-
ственна за появление на свет вашего дитя и за его жизнь
в момент этого появления. Но за вашей женой должен при-
сматривать квалифицированный врач. С двоими я могу про-
сто не справиться. Вы понимаете меня?

Было видно, как сильно разволновался Эдвард, он в оче-
редной раз сильно пожалел о том, что этот ребенок появит-
ся на свет, но от него требовались терпение и выдержка. Он
внутренне собрался, сосредоточил свои мысли на главном
и ответил:

– Хорошо. Я найду врача. Завтра же.

Эдвард знал одного очень хорошего лекаря, который был
другом Нила Льюиса и иногда посещал их дом. Он немед-
ленно послал за ним, и к вечеру Пол Голдсмит был уже у них
в доме. Он, не раздумывая, согласился помочь при родах
и пообещал прибыть по первому зову.

Последние дни Валери не вставала с постели. Она была слаба, тяжело дышала, ела мало, но пила много воды и чая с молоком.

— Не желательно бы, — говорила Анна и старалась ограничивать свою подопечную в питье. — Ей нужны здоровые почки при родах, их нельзя перегружать, смотрите, как ноги отекли.

Валери действительно выглядела ужасно. Ее раздуло, живот был огромным, лицо отекившим. Она тихо стонала и молилась, чтобы скорее все кончилось с благополучным исходом.

Ранним летним утром, пасмурным но теплым, дом графа Эдварда Люмерье содрогнулся от душераздирающего крика. Пришел срок, и у Валери начались сильнейшие схватки. Предвестники этих схваток мучили ее всю ночь, но тогда боль была терпимой, и женщина, привыкшая к такой боли за много лет, справлялась с ней легко. Но теперь ее боль превзошла все ожидания, и роженица кричала так сильно и корчилась в таких муках, что на нее было страшно смотреть.

Немедленно послали за доктором, и Пол Голдсмит прибыл в течение часа. К этому моменту воды отошли, но легче роженице не становилось. Сильные крики продолжались весь день, большую часть которого Эдвард проводил в парке, хотя и там он слышал стоны и вопли жены и беспрестанно молился.

К вечеру стало ясно, что момент настал. Ребенок с первоначальным неправильным предлежанием наконец повернулся в нужном направлении, благодаря стараниям опытной акушерки, и стал появляться на свет. Уже показалась головка, и нужны были усилия для того, чтобы помочь малютке выйти наружу, но тут Валери, окончательно обессилив, потеряла сознание.

Анна вмиг собралась, призвала на помощь все силы небесные, чтобы спасти дитя и, прикрикнув на Пола, дабы тот привел Валери в чувство, начала извлекать ребенка из чрева матери практически без ее помощи.

Акушерка не лгала, когда говорила о своем опыте и умении. Она выполняла свою работу усердно, прилагая все силы, и наконец в доме раздался звонкий, громкий детский плач. Крупная, живая и вполне нормальная девочка оказалась в руках Анны, связанная пуповиной с ее несчастной матерью, которая доживала свои последние минуты.

– Спасайте ее, чего вы стоите! Дышите ей в рот, она еще жива, помогайте, – распоряжалась Анна, а сама, отрезав пуповинку, укутала новорожденную в чистые пеленки с вышивкой фамильного герба в уголке и исчезла из комнаты.

Больше их никто не видел. Эдвард уже ворвался в комнату жены, Пол Голдсмит хлопотал у постели Валери, делая ей искусственное дыхание, вся прислуга замерла в ожидании, все были готовы помочь и молились за жизнь хозяйки. Но это не помогло.

Валери умерла, так и не придя в сознание, не видя свою дочь. В последнюю минуту жизни она лишь ухватила за руку Эдварда, слегка пожала ее, как будто хотела что-то сказать, но тут же отпустила, и тонкая, холодная рука бессильно свесилась с кровати. Валери издала свой последний вздох.

Эдвард еще долго сидел у постели жены, свесив голову на грудь и прикрыв веки. Он тихо плакал, страдал и переживал горе совсем не так, как это было раньше. Даже истерики с ним не случилось. Его удалось уложить в кровать, и Пол Голдсмит остался в доме на сутки, чтобы присмотреть за Эдвардом. Мало ли что.

Поздним вечером, когда новоиспеченный отец уснул под воздействием снотворного, Пол поинтересовался у прислуги, где же ребенок?

– Ему ведь кормилица нужна. Кто-то может позаботиться об этом?

Но все лишь разводили руками и отвечали, что ни ребенка, ни акушерку не видели.

– Надо бы с сэром Люмерье поговорить. Может быть договоренность у них какая? – ответила главная из прислуг, которая должна была бы помогать Валери с младенцем. – Мне дитя даже не показали.

– Проверьте все комнаты, все покои, общите дом. Не могли же они испариться, в самом-то деле! – распорядился Пол Голдсмит.

– Сию минуту, мы везде проверим.

Но поиски ничего не дали. Ни акушерки Анны, ни дочери Эдварда в имении не оказалось. Это было более, чем странно, и Пол посоветовал обратиться в полицию. Никто из прислуг на этот шаг не пошел. Все ждали, когда поправится граф, чтобы расспросить у него, но через неделю стало ясно, что Эдвард невменяем.

Он был тихим, из своей спальни выходил редко, даже еду ему приносили туда. На вопросы он не отвечал, передвигался с трудом, и даже на похоронах жены не присутствовал. Пол Голдсмит, который занимался похоронами, не советовал брать туда Эдварда.

– Сейчас еще есть надежда, что он поправится и придет в себя со временем. Но если он увидит жену в гробу, это будет для него дополнительным ударом. Боюсь, он не вынесет, окончательно сойдет с ума и станет буйным. А любой из сильнейших припадков его «падучей» может убить его.

Валери похоронили на местном кладбище, тихо и с надлежащими почестями. И ее пропавшую дочь все тоже похоронили в душе, решив, что она все же умерла сразу после родов, а акушерка, испугавшись возмездия, сбежала вместе с ней и захоронила где-нибудь втихаря.

История не из веселых. Горе поселилось в доме несчастных Люмерье и не хотело его покидать. Члены этого семейства умирали один за одним, но оставался еще один потомок, граф Эдвард, который хоть и был самым значимым представителем рода, но его здоровье не позволяло ему осуществ-

ЛЯТЬ СВОЮ МИССИЮ ДОСТОЙНО.

Страшная находка

Зоя ждала мужа с работы в нервном напряжении. Нельзя сказать, что она очень перепугалась, найдя у себя в квартире эту дурацкую манжету. Зоя была женщиной здравомыслящей, далеко не неженкой, и ее не так-то легко было сбить с толку. Но откуда-то она все же взялась! Не сама же она ее сюда привезла и случайно обронила.

Девушка решила, что это конечно же происки этой противной Розалии, но вот как и, главное, для чего она пытается вывести Зою из себя своими выходками? Она решила не ломать над этим голову. Перестав плакать и придя в себя, она стала дожидаться Дэйвида с работы, который все еще задерживался, хотя время подходило к десяти вечера.

Тем не менее, Зоя набралась смелости и обошла все закоулки их просторной квартиры, заглянула в ванную и туалетную комнаты, открыла все имеющиеся в доме встроенные кладовые, обошла и внимательно осмотрела кухню, столовую, спальню, гостиную и кабинет. Никаких признаков пребывания кого-то или чего-то постороннего она не обнаружила.

Понятно, что Зоя искала не спрятавшегося в ее квартире человека, а именно вещи или предметы, указывающие на то, что в квартире кто-то побывал в ее отсутствие.

Успокоившись немного, она включила телевизор, устрой-

лась поудобнее и стала ждать мужа. Он появился лишь ближе к одиннадцати, уставший, немного взвинченный и чем-то явно недовольный.

– Случилось что-то? Ты чего сам не свой, – спросила Зоя, обрадовавшись, что он наконец пришел.

Но Дэйвид не любил обсуждать свой бизнес и тем более свои проблемы дома. Он оставлял все там, за дверями, и заходя домой, старался быть приветливым, заботливым и любящим, но не в этот раз.

– Я замотался сегодня, прости. У меня сорвалась очень солидная сделка. Я попал на деньги, короче, лучше не спрашивай.

– Ну все же обойдется. Я знаю твою хватку, ты все выправишь, я уверена, – попыталась утешить мужа Зоя, но тот лишь отмахнулся от жены и отправился в ванную.

– Ты будешь ужинать? – спросила она его, немало удивившись такому настроению обычно спокойного и выдержанного Дэйвида.

– Я целый вечер провел в ресторане, оплатив безумный счет за клиента, который в итоге отказался от всего, что я ему предложил.

– Понятно. Я сожалею, Дэйвид, – проговорила Зоя и решила не приставать к мужу с глупыми домыслами относительно своей странной находки в доме и не менее странной встречи утром в парке.

Скорее всего, Дэйвид выслушает ее в пол-уха, думая

о своей проблеме, но обсуждать не станет. Скажет, что все это ерунда, не стоящая внимания.

«Да так оно, наверное, и есть», – подумала про себя грустная Зоя и убрала ужин со стола. Она оставила вино и фрукты, решив, что ей и самой необходимо немного расслабиться.

Остаток недели прошел без приключений, правда, был звонок от Даниила. Он поинтересовался, как идут дела, написала ли Зоя что-нибудь, но она не стала распространяться на эту тему. Рано пока говорить.

– Да, я сделала кое-какие наброски. Я поделюсь с тобой, когда у меня появится что-то стоящее на бумаге.

Даня пожелал ей удачи и сказал, что будет ждать звонка.

Ранним субботним утром Винтеры засобирались домой в свое имение, чтобы провести выходные вдали от шума городского, выспаться, нагуляться на свежем воздухе и забыть о всех передрягах. Хотя Дэйвиду это сделать было бы намного легче. Забыть обо всем, о бизнесе, о клиентах, выкинуть все из головы и насладиться отдыхом.

А вот Зою ждала неприятная встреча с Розалией, женщиной, которая внушала ей какую-то неосознанную неприязнь. Но поговорить с ней о своих подозрениях и задать ей несколько вопросов было необходимо.

Розалия встретила хозяев сдержанно-радушно. Предупрежденная об их приезде, она приготовила очень вкусный обед, состоящий из запеченной баранины с овощами, воздушных пирожков с грибами и великолепного шоколадного

десерта.

После ланча был отдых на открытой веранде с кофе и ликером, просмотр газет, чтение книг, шуточные разговоры. Зоя с Дэйвидом предавались безделью и никакие серьезные темы не затрагивали.

День клонился к вечеру. После пятичасового чая, который никогда не отменялся в английский аристократических семьях, Дэйвид все же отправился в свой кабинет, чтобы проверить электронную почту, а Зоя зашла на кухню и плотно прикрыла за собой дверь.

Розалия хлопотала с посудой, насухо вытирая ее большим кухонным полотенцем, когда Зоя попросила ее оставить свое занятие и ответить ей на пару вопросов. Женщина отложила свои нехитрые дела и невозмутимо воззрилась на хозяйку.

– Я не хочу вас ни пугать, ни отчитывать, ни ставить вам на вид некоторые не совсем очевидные факты, но кое-что я не могу оставить без внимания, – заявила Зоя.

– Я слушаю вас, мэм, – покорно произнесла Розалия.

– Я хочу, чтобы вы показали мне свое платье, в котором вы прислуживали в доме в прошлое воскресенье, перед нашим отъездом в Лондон.

– Простите?! – недоуменно спросила служанка.

– Комедию не разыгрывайте пожалуйста. Вы отлично слышали мою просьбу. Итак?

– Хорошо, мэм, как вам будет угодно. Пройдемте в мою комнату, прошу вас, – сказала она и, выйдя из кухни, указав-

ла на небольшую дверь в темном конце коридора под лестницей.

Зое не совсем хотелось туда идти, но раз уж она затеяла этот разговор, то надо довести его до конца. Войдя в комнату Розалии, девушка немало удивилась чистоте и порядку, который здесь поддерживался. Комната была очень большая и светлая с арочным окном и видом в парк. Удобная, красивая мебель, довольно просторная кровать. Мягкое голубовато-серое ковровое покрытие под ногами. Нигде ни соринки и ни пылинки.

«Когда она все успевает?» – подумала Зоя, подойдя вместе с Розалией к большому встроенному шкафу с раздвижными зеркальными дверцами. Женщина полностью открыла шкаф перед Зоей и сказала:

– Я прошу меня простить, но я не помню точно, в каком платье я была в прошлое воскресенье.

– В сером полушерстяном, с белым воротником и такими же манжетами, – подсказала девушка и добавила: – в нем же вы были ночью на кухне, когда я застала вас там. Вы видимо еще и не ложились тогда.

Она заметила, как по лицу Розалии пробежала легкая тень недовольства, она слегка покраснела и стала перебирать свою одежду, аккуратно развешанную на плечиках. Наконец она вытащила то самое серое платье и показала его Зое.

– Вы это платье имеете в виду?

– Именно, – ответила та и приподняла правый рукав, что-

бы рассмотреть манжету, которую она, честно говоря, увидеть здесь не надеялась. Но манжета была на месте, чистая и отглаженная.

– У вас есть еще одно такое же? – не отступала Зоя.

– Нет, мэм. Это платье у меня уже лет десять. С ним что-то не так?

– Ладно, пойдемте со мной.

Они вышли из комнаты служанки и направились в холл, где Зоя оставила свою небольшую дорожную сумку с мелкими вещами, зонтом, шарфиком и прочими женскими атрибутами, которые обычно берутся с собой в короткую поездку под предлогом «на всякий случай». Туда же она засунула и эту пресловутую манжету, найденную у себя в Лондонской квартире.

Но ее ждало разочарование, манжеты в сумке не оказалось. Зоя перебрала все свои вещи, аккуратно вытаскивая их и укладывая на широкий комод, но того, что искала, так и не обнаружила.

– Это более, чем странно, – произнесла она с легким раздражением. – Розалия, если вы хотите подшутить надо мной или разыграть меня, не знаю, правда, с какой целью, то я вынуждена вас попросить, прекратить свои попытки.

– Я не понимаю, мадам. Вы что-то потеряли? Что именно?

– Вашу грязную с пятном от кетчупа манжету! Я нашла ее у себя на полу в прихожей, в Лондоне! Но вы, конечно же, не знаете, как она там оказалась и куда теперь испарилась

из моей дорожной сумки! Не так ли?

– Нет, мадам, я... мне не понятно. При чем здесь моя манжета? Я не была в Лондоне.

– Ладно, хватит! Этот бессмысленная трата времени.

Зоя резко повернулась и ушла наверх. Ей ненавистен был весь этот фарс. Она поняла, как глупо выглядела со своими нелепыми и бездоказательными обвинениями, с не имеющими смысла вопросами, и она ужасно разозлилась.

Но тут вошел Дэйвид в слегка приподнятом настроении и сказал, что дело сдвинулось с мертвой точки в его последней сделке, надежды мало, но она все же есть.

– Ну вот, я же говорила тебе, – поддержала его Зоя.

Но ее плохое настроение все же не ускользнуло от мужа.

– Все! О делах ни слова! Обещаю, – произнес он и схватил жену в охапку.

Зоя решила не утомлять мужа своими разговорами о разборках с Розалией. Он не поймет. Манжеты нет, а без нее все это не имеет смысла и будет воспринято, как полная абракадабра. С Розалией он ни говорить на эту тему, ни разбираться не станет. Поэтому лучше плюнуть на все, но быть повнимательнее и поосторожнее с этой особой. Если это все ее происки, а в этом Зоя почему-то не сомневалась, то рано или поздно она попадется, если будет продолжать пытаться запугать ее.

– Ты извини меня, Дэйвид, но я бы хотела попросить тебя об одной услуге, – сказала Зоя, уже лежа с мужем в кровати

перед тем, как выключить свет. — Я хочу, чтобы в дверь нашей спальни вставили замок.

— Да? Ты считаешь, это необходимо? У нас же есть задвижка.

Действительно, маленькая металлическая щеколда на двери была, но при этом дверь запиралась только изнутри, снаружи всегда оставаясь открытой.

— Ну понимаешь, мне не очень нравится, что наша спальня доступна в течение всего дня. В этом нет необходимости.

— А уборка? Или ты хочешь выдать Розалии ключ?

Зоя поняла свою оплошность. Действительно, если спальня будет все время заперта, то убирать ее, проветривать и менять постельное белье ей придется самой. Возможно, это и вариант, но тогда это уже будет выглядеть как полное недоверие прислуге. А при таких обстоятельствах слуг увольняют.

— Да нет, ты прав. Забудем об этом, — попытался отвертеться Зоя, но Дэйвид все же насторожился.

— Что происходит? У меня такое впечатление, что ты чего-то боишься, чего-то не договариваешь? Какие-то проблемы? Поделись со мной, девочка моя. Что тебя тревожит?

— Розалия. Я не могу тебе всего объяснить, Дэйвид, но она создает дискомфорт. Откуда ты ее взял, вернее, где нашел?

— В бюро по найму, мне ее рекомендовали, как самую лучшую домработницу. Она прекрасно готовит, поддерживает чистоту в доме, молчалива, услужлива. Что с ней не так?

– Да нет, ты прав. На это я пожаловаться не могу. Просто она меня очень настораживает, вот и все.

– В таком случае, мы с ней расстанемся. Она на испытательном сроке на полгода. Осталось несколько месяцев, контракт закончится, и я откажусь от ее услуг. Я обещаю. Твой душевный комфорт мне дороже всего.

Дэвид нежно поцеловал жену, пожелал ей спокойной ночи и тут же заснул, крепко прижав Зою к себе. Но ей не спалось. Она снова и снова прокручивала в голове случившиеся и непонятные вещи, но никак не могла собрать все воедино.

Ей не верилось, что старуха в парке, навязавшаяся ей со своими странными разговорами, имеет какое-то отношение к Розалии, но в то же время после встречи с ней она обнаружила манжету у себя в квартире. Как и кто туда проник? Это больше всего беспокоило бедную женщину. Неприкосновенность ее с мужем жилища была нарушена кем-то вполне конкретным. Ни в какие мистические происки она не верила, и в данном случае Зою пугали не призраки, а реальные люди, желающие ей зла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.